

Николай Марчук

ЗАДАЧА БУДЕТ
ВЫПОЛНЕНА!
НИ ШАГУ НАЗАД

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Николай Марчук

Задача будет выполнена!
Ни шагу назад

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Марчук Н.

Задача будет выполнена! Ни шагу назад / Н. Марчук —
«Издательство АСТ», 2023 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-160408-0

Пожар Третьей мировой войны разгорается все сильнее и сильнее. Сражения кипят на разных театрах военных действий. Самый ожесточенный фронт – это украинский, здесь сошлись в кровопролитной схватке войска Российской Федерации и блока НАТО. Главный герой и его боевые товарищи из 10-го отдельного десантно-штурмового батальона встречают врага волной огня и свинца, не отступая ни на шаг. И пусть их камуфляж пропитан потом и кровью, враг не пройдет через их позиции.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-160408-0

© Марчук Н., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Николай Марчук

Задача будет выполнена! Ни шагу назад

*Как бы плохо ни приходилось, никогда не отчаивайся, держись,
пока силы есть.*
А. Б. Суворов

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 254

© Николай Марчук, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Вражеский танк, гремя оторванным защитным экраном, медленно крался справа. Для танка термин «крался», конечно же, условный. Крадутся кошки, подбираясь к своей жертве, а сорокашеститонная машина, которая ревет двигателем мощностью в восемьсот сорок лошадиных сил, в принципе не может красться.

Однако когда вокруг кипит ожесточенный бой, гремят взрывы, трещат автоматы, рывкают пулеметы разного калибра, и хлопают гранаты, а твои уши оглохли от всей этой какофонии, то можно и не расслышать рев подъезжающего танка. А то, что он скребет оторванным экраном по разорванному в клочья бетону, так это и так видно: вон какой веер искр за ним стоит – прям как в голливудских блокбастерах, когда в них показывают погоню на скребущих днищем по асфальту автомобилях с пробитыми колесами.

Танк повернул башню немного в сторону от меня и стреляет, монотонно вколачивая на ходу снаряды в остов полуразвалившейся трехэтажки. Ближе к зданиям враг не подходит: опытом своих собратьев научен, что оттуда их жгут. Опытные, битые нами и жизнью танкисты противника предпочитают разваливать высотные домишки издалека, и по фигу, что когда-то, совсем недавно, это были дома их соотечественников.

Следом за танком, в приличном, почтительном отдалении прется американский ББМ «Страйкер». У него тоже вдоль бортов наварены противоккумулятивные решетки. Крупнокалиберный пулемет автоматической установки периодически бьет короткими очередями, поддерживая своего более толстокожего собрата.

Между танком и бронетранспортером, держась ближе к корме Т-72, семенит десант; солдатики тоже периодически постреливают из автоматов в какие-то только им понятные и видимые цели. Т-72 модернизированный, доработанный уже здесь на фронте, в полевой мастерской. Решетчатый дополнительный экран по периметру корпуса; сверху над башней – решетчатый козырек. Просто, незамысловато, но в определенных обстоятельствах спасает жизнь экипажу.

Козырек над башней помогает от сброса гранат и ВОГов с квадрокоптеров. Потому что танкисты зачастую гоняют с открытыми люками: считается, что при попадании реактивной гранаты открытый люк должен минимизировать поражающий элемент в виде резкого повышения давления внутри танка от раскаленной кумулятивной струи.

А еще, очень редко, но все же бывали случаи, когда такие козырьки помогали от выстрелов из «Джавелинов» и NLAW – паскудных гранатометов, которые свои заряды выпускают таким образом, что те, делая «свечку», бьют сверху вниз, поражая башню танка, которая в макушке менее всего защищена. В таком случае надежда только на то, что «ядро» NLAW, встретившись с козырьком, изменит траекторию и, уйдя в сторону, не клонет башню.

Решетки стоят на танках и бронемашинах обеих воюющих сторон. Противная сторона вообще любит лепить эти решетки на всю свою технику. Решетки помогают от кумулятивных гранат – нечасто, но помогают.

Кумулятивный заряд похож на двухсторонний конус с крышкой на конце, а внутри находится медная воронка и взрывчатка. При контакте с твердой поверхностью происходит взрыв. Медь накаляется и собирается в струю, которая запросто пробивает броню с помощью температуры в несколько тысяч градусов и малой площади соприкосновения с поверхностью брони. При встрече струи и брони они взаимодействуют между собой, как две жидкости, при этом оставаясь твердыми телами. Это происходит за счет высокой скорости и давления кумулятивной струи.

К поражающим факторам кумулятивного снаряда относятся не только осколки пробитой брони, врывающиеся в боевое отделение, но и создание высокой температуры, которой доста-

точно для детонации боекомплекта. В отличие от кинетических боеприпасов, кумулятивный снаряд способен эффективно работать с любого расстояния.

Что может защитить экипаж танка от этой напасти в виде раскаленной струи, прожигающей броню? Много что. К примеру, динамическая защита.

Динамическая защита представляет собой блоки, которые устанавливаются поверх основной брони. Принцип их действия заключается в том, что когда вражеский кумулятивный снаряд достигает этого блока, внутри него происходит подрыв, направленный навстречу кумулятивной струе. Многослойная же броня представляет собой бутерброд из стальных пластин, керамики, воздушных прослоек и демпфирующих элементов. Этот «бутерброд» тоже спасает от кумулятивной струи.

Но все это доступно лишь танковой бронетехнике. В случае с легкими БМП и БТР ситуация несколько иная. Дело в том, что если установить динамическую защиту на легкую бронетехнику, то она, подрываясь при встрече с вражеским снарядом, разрушает и броню самой бронемшины. Да, сегодня существует динамическая защита и для легкой бронетехники. Но и кумулятивные снаряды эволюционируют. Например, в виде тандемных боеприпасов, где первый заряд принимает на себя удар динамической защиты, а второй уже занимается основной броней.

Поэтому на легкую бронетехнику стали устанавливать дополнительные решетчатые экраны.

Только устанавливаются они не для того, чтобы вызвать преждевременный подрыв снаряда. Ведь в случае срабатывания кумулятивная струя современных боеприпасов все равно достигает основной брони, и особого положительного эффекта такая защита не имеет.

Главная задача современного противокумулятивного решетчатого экрана – повредить (разрезать) кумулятивную воронку снаряда, снизив его эффективность. Кроме того, возможно повреждение проводки на участке от взрывателя до донного детонатора, что приведет к невозможности его активации. Кумулятивная струя превращается не в направленный резак, а в распыленный поток близкого взрыва.

Особенно эффективны эти решетки в случае со старыми образцами боеприпасов, оснащенных ударными пьезоэлектрическими взрывателями, которым необходим контакт с плоской вертикальной поверхностью. А если он застревает в решетке, то детонации не происходит. Стоит отметить, что эффективно сработать могут только специально разработанные, фабричные противокумулятивные решетчатые экраны, собранные из прочных материалов, расположенные с определенным шагом. Самодельные конструкции особой пользы не принесут.

Да, решетчатый экран тоже не гарантирует защиту от кумулятивных снарядов. Но, учитывая легкость, простоту и дешевизну конструкции, это отличный способ дополнительно повысить выживаемость боевых машин и экипажей. Особенно если речь идет о всякой гольтебе и бедноте.

Такие решетки стоят и на наших машинах. Танки одинаковые, решетки тоже одинаковые.

Все-таки нашим дедам было проще на войне: у немцев танки свои, у русских – свои; с первого взгляда, без всяких энциклопедических данных отличишь один от другого. Хотя вроде были случаи, когда обе стороны в Великой войне трофеи-ли и применяли вражескую технику против бывших хозяев. Немцы гоняли на наших Т-34 и КВ-1, а наши, особенно под конец войны, имели в своих рядах несколько танковых подразделений, полностью укомплектованных трофейными «пантерами» и Т-IV. Но все равно это были все-таки единичные случаи, которые не вносили сумятицу в ведение боевых действий.

Дедам было проще. У каждой стороны своя форма, свое оружие, свой язык общения, своя техника и свой стиль ведения боевых действий. А на этой войне у обеих сторон почти все одинаковое: оружие, амуниция, техника, язык. Даже цели и те одинаковые: мы считаем, что освобождаем свою землю и свои города от них как захватчиков, и они также считают,

что освобождают свою землю от нас, захватчиков. Отличие только в одном – в повязках на руках и штанинах. У них – синие и желтые, у нас – белые и красные. Если закрыть глаза и отключить мозг, то складывается впечатление, что это не один народ воюет с другим, а красно-белые воюют против желто-синих.

Тут вообще много чего похожего, а порой попросту одинакового. У нас Т-72, у них – Т-64; рядом поставь, особенно вот в таком доработанном «обвесе» – и хрен отличишь один танк от другого. Нет, когда они взревут своими движками и поедут, тут уж понятно, где кто. Т-64 ревет по-другому, у него движок – оппозитный двухтактный дизель, и его высокооборотистый свист ни с чем не перепутаешь; опять же, выхлоп у танка посередине кормы, сразу за башней, ну и катки поменьше – всего 555 миллиметров в диаметре. А вот у Т-72 катки большие, аж 750 миллиметров в диаметре, выхлоп слева по борту.

Это то, что я как не профессионал в танковых делах знаю, а был бы тут танкист, он бы вам с гордостью сказал, что оба танка просто совершенно не похожи друг на друга. Отличие танков Т-72 и Т-64 в главном – вооружение, броня, двигатель. Все доработано, улучшено, усилено. Т-72 – совсем другая машина. Главное техническое отличие – это разные двигатели: на Т-72 двигатель V-образный, а на Т-64 – оппозитный. На Т-72 стоит автомат заряжания, на Т-64 – механизм заряжания. Разная подвеска, разная броня.

Но это им, танкистам, так видно, они же танки изнутри изучают и видят, а мы, простая пехота, видим танки снаружи: либо передвигаясь на них верхом, в качестве десанта, либо глядим на них в прицельное устройство противотанкового гранатомета.

А на меня сейчас пер именно Т-72, причем явно наш, затрофейный когда-то противником. Были на башне танчика кое-какие приبلуды, какие ставят только на российской технике, причем исключительно в последние годы. Такое тоже бывает. Где-то ВС РФ пролюбили танчик, противник его захватил и активно использует. Вот у меня сейчас в руках тоже не наш гранатомет, а трофейный – болгарский клон РПГ-7.

Противник только решетки по бортам от себя добавил. Но ничего, танк это не спасет, знаю я его слабые места, да и решетки приварили выше, чем надо. Опять же, защитный экран с обращенного ко мне борта сорвался, оголив уязвимую точку чуть повыше катков. Усмешка богов – некогда российский танк, попавший в чужие руки, получит сейчас в борт гранату из вражеского гранатомета, попавшего ко мне в качестве трофея. Парадокс!

Труба гранатомета на плече, я так сижу уже минут пять в ожидании, когда танк противника повернется ко мне бортом. Предохранитель с кончика гранаты снят, все готово к стрельбе. До цели всего двести метров – дистанция более чем отличная, можно сказать, пистолетный выстрел. Граната попадет туда, куда я целюсь, никаких упреждений на «падение» гранаты делать не надо. Хреново только, что вражеская пехота тоже рядом, и стоит мне только высунуться из укрытия, как меня тут же заметят и нафаршируют свинцом. Народ против нас воюет битый и тертый, но, впрочем, мы тоже не лыком шиты, поглядим еще, кто повытертее будет.

Вражеские солдаты не ждут нас так близко: еще два часа назад наши позиции были дальше, в районе местных высоток – четырех трехэтажных домов. Вылезти вперед и укрыться среди окопов серой зоны – идея сумасшедшая, но неожиданная для врага, а значит, выигрышная.

Встаю с колен, ловлю борт танка в прицел, даю упреждение на ход бронированной машины, жму на спусковой крючок. От удара бойка по капсулю-воспламенителю, расположенному в дне реактивного двигателя, произошло воспламенение стартового заряда. Высокое давление пороховых газов прорывает картонную гильзу, и газы заполняют объем зарядной камеры гранатомета. Назначение зарядной камеры и пыжа состоит в том, чтобы еще до начала истечения газов вовне возникло необходимое давление, под действием которого заряд вылетит из ствола.

При вылете гранаты из канала ствола, под действием центробежных сил и набегающего потока воздуха, раскрываются лопасти стабилизатора. После удаления гранаты на безопасное от меня расстояние в двадцать метров, от пирозамедлителя загорается воспламенитель ДРП и шашка реактивного двигателя. Скорость полета гранаты увеличивается в три раза.

С легким хлопком ракета вырывается из трубы и несется к цели. Не глядя на результаты стрельбы, я тут же падаю лицом вперед, отбросив бесполезную уже трубу гранатомета. Упав на дно окопа, ползу на карачках, придерживая одной рукой автомат, чтобы он, не дай бог, не заглохнул стволом жирный чернозем, которым так славится эта часть планеты Земля.

Где-то там, в той стороне, где только что полз танк, раздается хлопок, а потом рев и мощный взрыв, а через секунду – ощутимый на расстоянии в сотню метров тяжелый удар о землю. Есть! Получил, зараза бронированная! Выпустил свою башню в космос! Вот так тебе и надо, не будешь тут ползать и по нашим позициям из своей пушки стрелять.

Мне даже не надо смотреть на поле боя, чтобы понимать, как все было. Реактивная граната из болгарского РПГ-7 клюнула танк именно туда, куда я и целил – в середину корпуса чуть повыше катков, в то самое место, где был сорван защитный экран, прикрывавший гусеницы. Там брони всего ничего, кумулятивной струе из расплавленной меди и раскаленных газов прожечь что плюнуть. А за броней находится автомат заряжания – карусель, где уложены снаряды, которые, понятное дело, и детонировали, вызвав переизбыток давления внутри боевой машины, что привело к «отвалу башки», а если точнее, то отделению танковой башни от корпуса машины. Короче, улетела башня танка в космос!

При таком результате экипажу гарантированный пипец. Может, только водителя-механика более-менее целым вытащат со своего штатного места, а командира и стрелку обеспечен гарантированный разбор на части: они же по факту своими задницами сидят на карусели автомата заряжания. А там, между прочим, при полной укладке больше двадцати снарядов. Ну, понятно, что какое-то количество они отстрелять успели, ну пусть их там осталось треть – меньше десятка снарядов. Но при калибре снаряда в 125 миллиметров сильно легче будет, если под твоей задницей одновременно взорвутся не двадцать снарядов, а, к примеру, семь? Думаю, не очень. В каждом снаряде около пяти килограмм взрывчатки.

Я карабкаюсь по дну окопа не в тыл, ближе к высоткам, а наоборот, глубже на поле боя, поближе к врагу. Проскакиваю изгиб окопа, когда за моей спиной слышатся взрывы, и тугой пинок взрывной волны проносится по траншее и, уткнувшись в поворот, взлетает вверх. Вовремя я успел свернуть: замешкайся хоть на пару секунд, и прилетел бы мне в спину волшебный пендель, а может, еще и осколками спину бы нафаршировало.

Ноги скользят в жидкой грязи, так и норовя разъехаться или поскользнуться. Чертова грязь, как же она задолбала! Вчера весь день и сегодня с утра шел моросящий, мелкий майский дождик, который напивал землю влагой, превращая ее в непроходимое болото. От этого дождя только одна радость – низко висящие серые тучи, которые выступают надежным заслоном от украинских беспилотников и коптеров.

Вражеские штурмовики, двигавшиеся за танком, засекли мой выстрел и обстреляли покинутую мной позицию из гранатометов. Я их обхитрил и успел свалить в неожиданном для них направлении. Они рассуждали логично и, предположив, что после выстрела по танку я двинусь себе в тыл, сейчас обстреливают дальнюю от меня часть траншеи. А я в другом месте. Но злорадствовать мне некогда, надо добраться до припрятанной «дашки». Она дура здоровая, ее в руках не утащишь, поэтому мы с Бамутом загодя ее припрятали.

Пулемет ДШКМ лежал там, где его и оставили, – в норе, выкопанной в склоне окопа и закрытой деревянным щитом. Я вытащил пулемет из тайника, поднатужился, хотел было водрузить его на стрелковую позицию, но передумал. Нефиг светить себя раньше времени.

Весит пулемет без станка без малого сорок килограмм. К пулемету присобачены самодельные сошки. Он на них, конечно, скачет при стрельбе очередями, как безумный сайгак, но

станок я бы один никогда не поднял, там же почти сто пятьдесят килограмм выходит вместе с пулеметом. Я ж не Геракл, можно от натуги не просто обосраться, но и грыжу схватить.

Лента на десять патронов, но больше я все равно отстрелять не успею. Мне придется бить одиночными, потому что на сошках пулемет не удержать, и если лупануть очередью, то большая часть пуль улетит куда угодно, но только не в цель, а они у меня и так под счет.

Правда, патроны у меня не простые, а волшебные. А точнее, штучного изготовления, снайперские. Я их у Глаза подрезал, он в нашем батальоне был единственным пользователем крупнокалиберной снайперской винтовки ОСВ-96 калибра 12,7 миллиметров. Винтовка его пострадала во время очередного вражеского обстрела. Рачительный прапорщик Глазков патроны приберег и какое-то время стрелял одиночными из пулемета «Утес», но потом и крупнокалиберный пулемет расхренячили вражеские снаряды, а Глаза ранили. Он перед эвакуацией свои оставшиеся патроны отдал мне на хранение и строго наказал сберечь до его возвращения в строй.

Чем именно отличаются пулеметные патроны калибра 12,7 миллиметров от снайперских, я как-то не удосужился до этого уточнить, просто Глаз сказал, что каждый такой патрон штучного изготовления, а пуля на дистанции в триста метров гарантированно способна пробить броню толщиной в двадцать миллиметров. Если про стандартные патроны калибра 7,62 я мог еще что-то рассказать, то крупнокалиберные боеприпасы как-то прошли мимо меня.

Разделение на обычный и снайперский патрон появилось только в 1967 году, хотя разработки в этой области велись еще с 1949-го. До 1953-го использовались два типа патронов с обозначениями «Л» и «Д» – с легкой и тяжелой пулей соответственно. Различались они только массой пули. По логике тяжелая пуля лучше подходит для снайперского дела, вот только на практике такие патроны снайперами не использовались. Все дело в том, что прицелы того времени разрабатывались именно под патрон с легкой пулей.

С 1953-го оба типа патронов заменяет 7,62 ЛПС с легкой пулей со стальным сердечником. Им пользовались и снайперы, и пулеметчики до 1969-го, когда появился специальный снайперский патрон. Сейчас он известен под обозначением 7Н1.

Главная задача конструкторов при разработке снайперского патрона заключалась в увеличении стабильности пули в полете и уменьшении отклонения. От ЛПС новый патрон отличался массой пули – 9,9 г против 9,6. Пороховой заряд остался неизменным, ввиду чего начальная скорость снайперской пули была немного ниже – 830 м/с против 840. Но, благодаря большей массе, в полете пуля была стабильнее.

По результатам испытаний 7Н1 показал почти вдвое лучшую кучность. Среднее отклонение пули на дистанции в восемьсот метров – 27 сантиметров по горизонтали и 18 по вертикали. Для ЛПС эти параметры составляют 49 и 34 сантиметра соответственно.

Также несколько изменилась конструкция самой пули. У ЛПС свинцовый кончик пули, после которого уже идет стальной сердечник. У снайперской пули сперва идет стальной сердечник (причем он почти в два раза меньше), а затем уже свинцовый.

По сути, это и есть все различия. При всем этом никто не запрещает стрелять из снайперской винтовки пулеметными патронами и наоборот. Другое дело, что оптические прицелы приспособлены именно под снайперский боеприпас.

Вражеские десантники, которых осталось семь человек (а значит, двое из них все-таки «пригорюнились», или затрехсотились от попадания моей гранаты в танк), грамотно рассредоточились, спрятавшись среди бетонных и каменных груд в ожидании подхода «страйкера».

Сейчас в дело должен будет вступить Бамут с пацанами, а значит, украинских вояк ждет неожиданный сюрприз.

Глава 2

Противник был в паре сотен метров от меня – расчет оказался верен, и мне удалось зайти вражеским солдатам в тыл. Но моей целью были не они, а БММ «Страйкер».

«Страйкер» хорош: у него круговая защита от обстрела из 14,5-миллиметрового пулемета. Впрочем, чего уж тут греха таить: у нас не все БМП в бортах себе такое могут позволить. А БМП по логике, как гусеничная машина, должна стоять в иерархии бронированности выше, чем колесный бронетранспортер.

Достигается это за счет того, что корпус «страйкера» выполнен из стальных листов высокой твердости, которые дополнительно прикрыты привинчивающимися блоками из броневой керамики. При этом масса бронетранспортера за счет керамической защиты составляет шестнадцать с половиной тонн, что всего на полтонны больше, чем у нашего самого современного БТР-82А.

На этой машине установлен комплект речной бронезащиты «Слэт» – решетчатые экраны, размещенные на расстоянии четырехста миллиметров от корпуса, для защищенности от ПТУР и гранат РПГ. Причем экраны не самодельные, а самые что ни на есть заводские. Ориджинал, мать его так!

Стойкость американского «страйкера» к пулевому обстрелу в условиях этой войны – это еще и повышенная защищенность от осколков артиллерийских снарядов. Думается, что характер боевых действий в нынешних условиях в объяснении не нуждается: артиллерия здесь правит балом, поэтому выявленные в ходе разведки подразделения противника незамедлительно накрываются артой в зоне ее досягаемости. Тут, в отличие от своих одноклассников в классе бронемашин, «страйкер» смотрится красавчиком. Особенно с усиленной противоминной защитой, что вкупе с озвученными фактами резко снижает потери среди перевозимой пехоты.

Еще одним преимуществом «страйкера» является наличие тепловизионного прицела в его комплексе управления огнем. Про то, насколько тепловизионные системы важны сейчас, говорить не надо. Я и мои боевые товарищи на своей шкуре испытали все прелести тепловизоров на прицелах.

В отличие от простой оптики, через «теплак» можно обнаруживать и идентифицировать цели на расстоянии нескольких километров в любое время суток и почти при любых погодных условиях. Очень сильный снег или совсем непроглядный туман снижают дальность видения. В общем, «теплак» капец как помогает, причем не только в чистом поле, но и в застройках разной плотности. А «дальнозоркий» БТР – это автоматически и более осведомленное пехотное отделение, которое он перевозит и поддерживает в бою.

А ведь еще надо добавить, что «страйкер» оснащен оборудованием GPS-навигации, которое облегчает не только боевую работу на низовом уровне в плане ориентирования на местности, но и координацию действий с соседними подразделениями. Понятное дело, планшеты и телефоны с выходом в интернет есть у всех, но интегрированное оборудование имеет несколько большие возможности в плане взаимодействия БТР, его пехоты и соседствующих соединений. Впрочем, что касается работы с «соседями», то у американской машины еще и система распознавания «свой – чужой» имеется, которая минимизирует вероятность дружественного огня.

Также вмешивается и банальщина: в «страйкере» пехоте ездить куда комфортнее, чем в советских и многих западных изделиях оборонной промышленности, включая такой массовый «крокодил», как М13. Кроме того, он более надежный в эксплуатации и не очень сложный в ремонте.

Если подытожить, то данный «страйкер», скорее всего, был командным пунктом, потому что плелся позади всех, да еще и не имел десанта внутри. Остальные штурмующие подразде-

ления противника были уже в районе первых трехэтажек – два танка Т-64 и полсотни пехотинцев, которые медленно лезли вперед, поливая все перед собой свинцом беспощадного огня. Была еще парочка квадратных уродцев М1 13, которые выбросили десант, а сами почему-то застыли неподвижными коробками в тылу наступающих вражеских рядов, работая издалека крупнокалиберными пулеметами.

А «страйкер» один, и это, скорее всего, означает, что он был не просто машиной, привезшей на поле боя десант, а чем-то большим. Жаль, еще одного гранатомета у меня нет. Я этому засранцу залепил бы в борт плюху, чтобы он «пригорюнился».

Эту машину мы засекли еще вчера, когда противник в очередной раз ходил штурмом на наши позиции. Именно с появлением на поле боя этого «страйкера» наш комбат Рыжик и связал такую поразительную результативность действий вражеских штурмовиков. Противник буквально за считанные часы вычислил все наши стрелковые позиции – перед началом штурма они были, как всегда, сменены, но это мало нам помогло, и нас хорошенько отчихвостили.

Украинские танчики отработали издалека с закрытых позиций. Из ста двадцати трех оставшихся в строю бойцов «Десятки» вчерашний вражеский штурм пережила едва половина, остальные задвухсотились или были ранены. В течение всего времени обороны вверенного нам участка это были самые большие потери за один день.

Комбат принял решение уходить в тыл, эвакуируя раненых, что мы и сделали. Но в глубине города, где находились вторая и третья линии обороны, у нас забрали раненых и приказали вернуться на позиции в ожидании подкрепления. Мы пополнили БК тем, что дали, и все, кто мог передвигаться и не имел ранений, вернулись обратно на передовую.

Подкрепление так и не пришло, поэтому решили работать теми, кто остался в строю. Поскольку нас было мало, Рыжик рассудил, что просто так гибнуть среди руин трехэтажек нет смысла и надо нанести максимальный урон противнику, а именно – выбить этот чертов командирский «страйкер». Вот мы и стали выполнять этот приказ комбата.

Надо все-таки отдать должное противнику: действовали они грамотно. Две недели плавно давили на всех направлениях, взяв обороняемый нами город в полукольцо. Сектор обороны, который держал наш 10-й ОДШБ, за это время не сдвинулся ни на метр: как окопались на окраинах городка, оставив у себя за спиной четыре трехэтажки и россыпь домиков частного сектора, так и держимся за них. Вернее, держались все это время. Теперь уже некому встречать врага волной свинца и огня. Остались жалкие крохи численностью не более двух взводов, при полном отсутствии бронемашин, минометов и тяжелого вооружения.

Две недели назад позиции на окраине Токмака заняли четыреста двадцать семь бойцов «Десятки», сейчас в строю остались пятьдесят три, включая комбата Рыжикова Олега Ивановича. Но если кто-то еще жив из бойцов 10-го ОДШБ, значит, батальон будет выполнять поставленную задачу – держать позиции. По-другому мы не умеем, нам просто нельзя по-другому, потому что нас не поймут погибшие на этой войне наши товарищи.

Сорок восемь бойцов рассредоточились возле трехэтажек двумя линиями, чтобы можно было грамотно отходить вглубь застройки. А пятеро разведчиков – я, пулеметчик Семен Воршавин с позывным Бамут, сержант Ковалев и рядовые Стылов и Тычин – рано утром, до привычного времени, когда украинская сторона начинает обстрел, облачившись в теплоизолирующие «пончо», выдвинулись в серую зону, где и решили устроить засаду на «страйкер». Остальные бойцы «Десятки» под командованием майора Рыжикова привычно расползлись по норам и укрытиям, чтобы немного отдохнуть перед утренним боем.

– Псих, надо задвухсотить «страйкер», – больше попросил, чем приказал мне комбат Рыжик. – Сделаешь?

– Попробую, – ответил я.

Как только рассвело, противник начал утюжить наши позиции. Корректировка с помощью «птичек» им была не особо нужна, потому что тут и так за две недели ими все давно

пристреляно. Хорошо еще, что с утра небо было затянуто серыми тучами, и вражеская арта высаживала свой БК вслепую. Наши артиллеристы даже не предприняли попыток вести контр-батарейную стрельбу. Опять же, из-за погоды авиация тоже не поднималась в небо.

Украинские снаряды и мины ложились ближе к застройке, на серой зоне не разорвалось ни единого боезаряда. Наша пятерка отсиделась в норах обрушенных блиндажей, а как только обстрел закончился, я с гранатометом пополз в одну сторону, а остальные рассредоточились по нычкам в ожидании врага.

«Страйкер» прибавил газу и лихо подкатил к руинам, среди которых разместились украинские штурмовики. Вражеские бойцы, завидев приближающийся бронетранспортер, тут же неосмотрительно вылезли из своих укрытий. Именно в этот момент в дело вступила группа Бамута. Массированный обстрел из пулемета и трех автоматов стал полной неожиданностью для противника. Вражеские солдаты никак не ожидали, что все это время совсем рядом с ними прятался противник и при этом никак себя не выказывал.

Все наши действия с Бамутом были согласованы заранее: раций у нас давно уже не было – заряжать их негде, да и разбились они во время последних боев. Поэтому по заранее согласованному плану Бамут должен был начать стрельбу сразу же, как только «страйкер» подъедет поближе.

Завязалась скоротечная, яростная перестрелка. От первого огневого налета враг очухался, потеряв несколько бойцов. Украинские солдаты вновь укрылись в руинах и принялись отчаянно отстреливаться. «Страйкер» тоже вступил в перестрелку, заливая позиции группы Бамута огнем из крупнокалиберного пулемета.

Американская БММ сдала чуть назад, прячась за грудой камней. Из-за маневра бронемашин ее корма попала в зону поражения ДШКМ. Я снарядил пулемет короткой лентой, поднатужился, выволок «дашку» на бруствер, ухватился за рукоятки и, поймав в прицел десантную аппарель в корме «страйкера», нажал на спаренный спусковой крючок. Широкий, во всю корму десантный люк, который откидывается вниз, защищен не так мощно, как остальной кузов «страйкера», а значит, я его прошибу из крупнокалиберного пулемета.

«Дашка» отрывисто рявкнула, посылая пулю в цель. Есть! Попал! Оставшиеся в ленте девять патронов я высадил за считанные секунды. Все десять пуль легли туда, куда я целил, – в десантную аппарель на корме бронемашин. После попадания десятой, последней пули вражеская БММ резко дернулась вперед, наехала передними колесами на ближайшую каменную грудку и от столь неудачного маневра перевернулась набок.

Ни хрена себе! Такого поворота событий я не ожидал!

Я нырнул обратно в окоп и, пробежав по нему метров двадцать, вновь поднялся в полный рост возле очередной стрелковой ячейки. Вражеские бойцы разделились на две части. Трое из них стреляли в сторону группы Бамута, а двое помогали своим товарищам выбираться из командирского отсека бронемашин, расположенного в носу «страйкера». Оба люка были распахнуты, и украинские автоматчики вытаскивали оттуда раненого члена экипажа бронетранспортера. Похоже, что вражеские бойцы так до сих пор и не поняли, кто и откуда обстрелял их бронемашину.

Я вскинул автомат и открыл огонь по копошившимся возле перевернутого бронетранспортера вражеским солдатам. Одного убил сразу (пули попали ему в спину и в затылок), второго ранил, а спустя пару секунд, когда он попытался отползти за укрытие, добил. Досталось и высунувшемуся наполовину из нутра бронетранспортера члену экипажа «страйкера»: он, получив свою порцию свинца, так и остался свисать из люка.

Заколов несколько очередей во второй открытый люк «страйкера», я перевел огонь на вражескую тройку, перестреливающуюся с группой Бамута. Оказавшись зажатыми с двух сторон между ожесточенным огнем, украинские штурмовики попытались укрыться при помощи

дымовых гранат, но это им не помогло. Расстояние между нами небольшое, всего пара сотен метров, патронов мы не жалели, поэтому их конец был предreshен.

Высавив три магазина и убедившись, что все враги поражены, я отстрелял еще пару коротких очередей, целясь в пулеметную установку на корпусе «страйкера», благо бронетранспортер лежал на боку, обращенный этой установкой ко мне. Затем я вновь скрылся в глубине окопа и, низко пригибаясь, двинулся к своим. Надо поскорее встретиться с пацанами да и выбираться из этой серой зоны.

Отлично отработали! «Страйкер» и Т-72 подбиты; БММ, может, еще и вытащат: повреждения у него плевые. Эх, жаль, нет гранатомета, сжечь бы этого пиндоса к чертям собачьим! У одного из вражеских штурмовиков, которых я расстрелял возле «страйкера», за спиной был выюк с торчащими наружу выстрелами к РПГ. Вот бы мне сейчас их сюда, уж я бы не промазал.

Свернул на очередном повороте и тут же, вскидывая автомат и стреляя из него, шмыгнул назад за поворот: в окопе, метрах в двадцати от изгиба траншеи, сидел украинский военный. Он был ранен, но вполне мобилен, его автомат был обращен в мою сторону. Я дернул из подсумка гранату, вырвал кольцо, швырнул РГН за поворот и сразу же после разрыва высунулся следом, стреляя из автомата вдоль траншеи.

Противник так и остался сидеть на своем месте, только теперь его голова была свешена набок. Для надежности я выстрелил в него несколько раз одиночными; от попаданий голова дернулась, а шлем вспучился кусками полимера и арамидных тканей. Я выглянул из окопа, осматривая местность, чтобы убедиться, что поблизости нет врага.

Заметил, что вражеские штурмовые группы, которые терзали наши позиции возле остовов многоэтажек, начали отступать назад. Это значит, что совсем скоро начнется обстрел с украинской стороны. Вот черт! Надо поскорее найти себе укрытие. Еще заметил, что те два бронетранспортера М113, которые не принимали участия в бою, двинулись в нашу сторону. Скорее всего, это эвакуационная команда. Возможно, что внутри «страйкера» есть еще выжившие, которые и запросили поддержку.

Подбежал к убитому украинскому вояке. Откуда он здесь взялся? В бою он был ранен: вон у него турникет на ноге. Возможно, он из той группы, что двигалась за танком, и когда в Т-72 попала моя граната, боец был оглушен и, потеряв ориентацию в пространстве, рванул вперед. Чудом пробежал две сотни метров, никем не замеченный, и свалился в окоп, где уже пришел в себя и наложил себе на ногу турникет. На войне и не такое бывает.

Опа-па! Да это не боец ВСУ, а самый что ни на есть польский наемник! Шеврон на груди с бело-красным флагом и патч с надписью на польском языке. Я быстро осмотрел подсумки мертвого врага. АКМС, шесть магазинов к нему на груди, два магазина в отдельном боковом подсумке, набитых, судя по черным кончикам пуль с красным пояском, БЗ, то есть бронебойно-зажигательными патронами. Этот боеприпас предназначен для поражения легкобронированных целей, воспламенения горючего, находящегося за броней или в толстостенной таре, и для поражения живой силы, находящейся за легкими броневыми прикрытиями, на дальности до трехсот метров.

Бронебойно-зажигательная пуля состоит из стальной, плакированной томпаком оболочки с томпаковым наконечником, стального термообработанного сердечника со свинцовой рубашкой и зажигательного состава, находящегося в свинцовом поддоне. При ударе пули о броню свинцовый поддон, двигаясь по инерции вперед, сжимает зажигательный состав и тем самым воспламеняет его. Пламя через отверстие, пробитое стальным сердечником, проникает в заброневое пространство и способно воспламенить горючее. Бронебойно-зажигательная пуля пробивает советский стальной армейский шлем и некоторые виды бронежилетов с расстояния тысячи метров. Лист бронестали толщиной семь миллиметров пробивается с расстояния трехсот метров.

Броню «страйкера» я этими пулями, конечно, не пробью, но вот засадить несколько очередей в открытый люк бронетранспортера можно. Вдруг там что-то горячее разлилось, к примеру, машинное масло, или детонирует БК.

Стоп! Там же лежал боец с выюком с выстрелами к РПГ-7, которые состоят из двух частей: самой гранаты и стартового порохового заряда – длинной трубки зеленого цвета. Возможно, если я попаду в пороховой заряд бронебойно-зажигательной пулей, то произойдет ее подрыв, что приведет к детонации самой реактивной гранаты? Вряд ли, конечно, но можно попробовать.

Я снял АКМС с трупа, снарядил автомат магазином с бронебойно-зажигательными пулями, устроился поудобней и открыл огонь из автомата.

Отдача у АКМС ощутимей, чем у моего АКС-74: все-таки калибр существенней, и патрон мощнее. Было видно, что пули рвут спину и выюк мертвого украинского гранатометчика, но никаких взрывов не происходило. Ну и ладно, не буду на этом заикливаться.

Я перенес огонь в открытый люк бронетранспортера, благо он был обращен ко мне нужной стороной. Высадил оба магазина короткими очередями, и – о чудо! – изнутри машины потянуло черным дымом. Вначале это были слабые струйки, но потом задымление становилось все сильнее и ощутимее, а уже через минуту появились и языки пламени.

Бамс! Резкий удар вырвал АКМС у меня из рук – крупнокалиберная пуля ударила в автомат, когда я приседал на дно окопа, чтобы переснарядить его новым магазином. Инстинктивно я держал автомат стволом вверх, чтобы не залепить дульное отверстие грязью, и когда моя голова скрылась в окопе, а ствол АКМС еще виднелся над бруствером, в него и угодила вражеская пуля.

Меня засекли! Надо валить по-быстрому.

Я забрал себе вражеские магазины, набитые патронами калибра 7,62/39, сорвал аптечку с липучек, вытащил гранаты из подсумков, нашел в одном из карманов пару шоколадных батончиков «Сникерс». Забрал все это себе, распахав по своим подсумкам и карманам. На прощание выдернул из ножен на плече покойника его нож и тут же вогнал клинок в шею трупа. Зачем это сделал? А пусть те, кто его найдут, подумают, что он был заколот своим же ножом. Пусть его собратья – поляки-наемники – лишний раз подумают, перед тем как ехать сюда за длинным наемническим рублем.

Низко пригибаясь, я рванул по траншее. Чертова война – забыл, когда ходил нормально в полный рост и не торопясь. Вечно сгорбившись и бегом.

Глава 3

Противник откатился прочь от высоток, и спустя пару минут начался массированный артиллерийский обстрел. До блиндажа, где я с парнями пережидал утренний артналет, добежать не успел. Противник как-то вычислил траекторию моего передвижения и начал засыпать окоп небольшими 60-миллиметровыми минами. Пришлось вернуться назад и схорониться в ближайшей блиндажной норе. Повезло, что за мной следили все-таки не с помощью беспилотника, а, видимо, просто углядели в оптику бинокля, когда я пробежал по неглубоким участкам траншей.

Вражеские мины ложились в стороне, поэтому этот небольшой обстрел я переждал относительно комфортно. Стреляли по мне со стороны тех самых бронетранспортеров М113, которые плелись в тылу атаковавшего нас вражеского подразделения. Небольшие польские и американские 60-миллиметровые минометы – капец какое гадское, коварное оружие. Казалось бы, фу-у, всего 60 миллиметров – это несерьезно. Но у этого оружия есть множество плюсов.

В основном на вооружении ВСУ стоят 60-мил – лиметровые польские и американские минометы; наиболее популярны польские ЛМ-60. Это очень коварный вид оружия. Когда летит мина данного типа, ее не слышно. А потому военнослужащие, находящиеся на открытой местности, не всегда успевают укрыться и получают ранения и увечья.

Украина обладала большим количеством 82-миллиметровых минометов советского производства «Поднос». Казалось бы, это более мощный миномет, чем 60 миллиметров, так на фейхоа последний нужен?

Необходимо сравнивать эти минометы. 82-миллиметровый советский миномет «Поднос» весит примерно сорок килограмм. Его украинская версия, после замены опорной плиты на титановую, стала весить тридцать шесть килограмм. Дальность ведения огня – от ста метров до трех километров. Ну, если намотать на хвостовик пороховых обмоток, да если еще будет попутный ветер, то мина может пролететь четыре километра. Это неплохое оружие для поддержки пехоты в боях.

Польский миномет ЛМ-60 весит в два раза легче – около двадцати килограмм. Он способен стрелять на дистанции от семидесяти метров до двух с половиной километров. А есть еще версии, изготовленные для войск специального назначения, где миномет может весить всего семь с половиной килограмм; правда, и стреляет он на расстояние чуть больше одного километра.

Кажется, что показатели не в пользу 60-миллиметрового миномета. Однако это не всегда так. При таком весе этот миномет очень легко использовать в маневренном бою. ВСУ очень часто использовали его в уличных боях в черте города. Он хорошо зарекомендовал себя в качестве так называемого кочующего миномета. Нагрузка при выстреле минимальная. Установи его в кузове малотоннажного грузовика или пикапа, и можно получить серьезное средство поддержки.

Перемещаясь на поле боя, его можно легко использовать для боев в окопах. Он требует намного меньше места, чем 2С14 «Поднос», к тому же может стрелять на минимальное расстояние, что позволяет вести борьбу с пехотой противника в окопах.

Если сравнить боеприпасы, то и тут, конечно, есть над чем поразмыслить. Да, выстрел из 82-миллиметрового миномета будет намного мощнее. Образующие им осколки будут крупнее и нанесут больше урона пехоте. К тому же радиус поражения будет намного выше. Мина калибра 82 миллиметра весит около трех килограмм, а 60-миллиметровая мина – от полутора килограмм.

Это значит, что при незначительном проигрыше боевых свойств боеприпасов, штурмующая группа с 60-миллиметровым минометом может взять больше мин, и нагрузка на бойцов

будет ниже. Порой количество боеприпасов может быть гораздо важнее, чем их могущество. Для пехоты в ближнем бою важнее порой возможность нанести быстрый удар по навесной траектории. Это необходимо в городских боях, при штурме окопов, при уничтожении противника в густом лесу или за обратными скатами гор и холмов.

Да, у пехоты есть подствольные или автоматические гранатометы. Но они не всегда эффективны. Где-то не хватает дальности для поражения, где-то вес вооружения играет решающую роль. Тридцатимиллиметровый АГС-17 не самое удобное оружие. Он весит под сорок килограмм и при этом имеет очень сильную отдачу. При ведении стрельбы очередями это приводит к сильному разбросу гранат на местности. К тому же максимальная дальность стрельбы составляет всего 1700 метров.

В общем 60-миллиметровый миномет в нынешних боях показывает неплохую эффективность. Он мог бы и для российских пехотных подразделений стать неплохим оружием огневой поддержки. Особенно в составе взвод – рота. Кстати, мы в «Десятке» всегда старались затрофеить именно такие минометы, ну или выменять у соседей, если им повезло взять их в качестве трофея. И никогда не сдавали такие минометы начальству: лучше отдать пару «джавелинов», чем один LM-60.

Вот и сейчас, не будь у противника в салоне броневика 60-миллиметрового миномета, я давно бы уже был среди своих товарищей, а так сижу здесь, как крыса, и грызу жирную землю склона окопа штыком складной пехотной лопатки. Надо сильнее углубиться, чтобы сделать боковую нору, иначе первый же снаряд, который залетит в траншею на ее прямом участке, нафарширует меня осколками.

Вот почему, когда мне стукнула в голову мысль пойти в армию в качестве добровольца, мне никто не рассказал, как выглядит война на самом деле? Что здесь не будет красивых и эпичных битв, как в американском кино, где герои всегда чистые, в опрятной одежде, гладковыбритые и вкусно пахнущие. А если и случится какая-то хрень, то они максимум рожу себе испачкают несколькими мазками сажи, но в конце фильма красивая сисястая блондинка все равно засосет такого героя страстным поцелуем.

Ну почему?!

Могли бы работники военкомата сказать правду – что война на самом деле нечто иное.

Война – это переноска тяжестей, которые и не снились даже самым опытным и бывалым грузчикам. Причем все эти тяжести надо тягать по пересеченной местности, сгорбившись в три погибели, да еще и вертеть при этом головой на триста шестьдесят градусов, не забывая поглядывать на небо.

Однако обычные грузчики одеты максимально легко – треники, кеды и растянутая до колен майка. А у военных на передовой что имеется из одежды для удобства переноски тяжестей? Тяжелые ботинки на ногах, многослойная одежда, тяжелый бронежилет, шлем на голове, автомат за спиной, подсумки, набитые боеприпасами, гранатами, аптечкой, парой ножей и прочим тяжелым барахлом.

И вся эта благодать на плечах солдатики весит, как половина его самого, а может, и того больше. А ему, солдатику, надо еще тащить на себе ящики с патронами, «улитки» с гранатами, а то и по два на каждого, потому что патронов в бою, сколько бы ни взял, все равно окажется мало. А у солдатики ведь две руки, значит, надо в каждую ношу сунуть. А помимо патронов надо ведь еще дотащить все то, что эти патроны и гранаты сжигает: пулеметы разного калибра, автоматические и ручные гранатометы, мины разного принципа действия и прочую убийственную атрибутику современной войны.

А ведь еще солдатам, офицерам и особенно прапорщикам надо жрать, срать и пить. И все это (кроме срать) надо дотащить до боевых порядков на себе: баклажки с водой, ящики с консервами и пищевыми концентратами, канистры с горючкой для генераторов (все, что использует электричество, надо заряжать), дрова и так далее.

Война – это регулярные земляные работы, причем в таком количестве, что за один день перекидываешь объем земли, равный копке десяти соток на приусадебном участке. Но если на огороде земля мягкая, как пух, то на войне она, как правило, либо настолько стылая и каменная, что ее не то что лопатой – ломом хрен пробьешь, либо настолько жирная и липкая, что, увязнув в ней ногами, проще расшнуровать ботинки и похоронить их навсегда, чем выдергивать ноги из этой трясины.

А ведь землю эту надо прокопать не на один штык лопаты, чтобы посадить картоху, а на полтора-два метра, потому что окоп должен быть глубоким, иначе посечет осколками от прилета вражеского снаряда. И самое неприятное во всем этом копании то, что его надо осуществлять регулярно: как перешли на новые позиции, так сразу же надо окапываться. А иначе никак, потому что прилететь может в любой момент. Враг не дремлет, он постоянно начеку, его «птички» дежурят в небе круглыми сутками.

Война – это грязь, пот и зловоние. Тут воняет все: тело солдатики и офицера – потом и застаревшей грязью, оружие – смазкой и гарью пороха, земля – мертвечиной, завалами человеческих испражнений и кислотной взрывчатых веществ, ну а воздух – всем перечисленным вместе взятым.

На передовой и в местности, близкой к ней, нормально помыться невозможно. Потому что воды мало, греть нельзя. Если у кого остались влажные салфетки, то можно ими вытирать наиболее подверженные потоотделению участки тела, а если салфеток нет, то ходи, потей и воняй. А потеют на войне каждую минуту, потому что много двигаются, много носят тяжестей, много копают. Ну а про стресс, который висит здесь в воздухе двадцать четыре часа в сутки и всегда вызывает в организме не только обильное потоотделение, но порой и неконтролируемое выделение из организма других жидкостей, и говорить не стоит.

А еще к форме солдата так и норовит что-нибудь прилипнуть и испачкать ее: кровь из раны товарища, которому ты оказываешь медицинскую помощь или которого тащишь на себе, вынося из красной зоны, липкая грязь с земли, бетонная и кирпичная пыль, сыплющаяся со всех укреплений и зданий, гарь, сажа, копоть. Да и проезжающие мимо танки или БТРы могут обдать волной комков земли вперемешку с человеческими останками (хрен знает, где «броня» постоянно находит на свои траки всю эту мертвечину). Ну и так далее по списку.

А еще война – это страх! Здесь боишься двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, триста шестьдесят пять дней в году. Боятся здесь все! Абсолютно все!

На войне страх многогранен. Ты боишься погибнуть, но еще больше боишься жить, потеряв конечности. Боишься потерять друзей, но еще больше боишься к этому привыкать. Боишься гибели мирных, которые верили в тебя, а ты не смог их защитить. Боишься погибнуть раньше, чем уничтожишь хотя бы несколько врагов. Боишься испугаться и не выполнить задание. Боишься попасть под командование самодура. Этот список можно продолжать долго.

Сколько бы ты ни был на войне, ты всегда будешь чего-то бояться. И это хорошо. Страх помогает выжить и выполнять свою работу. Главное, не допускать паники и испуга. Паника, испуг или психические нарушения возникают тогда, когда твое сознание не может дать ответ на происходящее. Ответ на вопрос, почему ты умираешь, почему тебе приходится убивать, почему на твоих глазах погибают твои друзья и так далее.

Каждый раз нужно самому себе задавать этот вопрос и сразу находить ответ. Самому себе объяснять происходящее. Даже если нет ответа, нужно его придумать. Тогда происходящее покажется твоему сознанию объяснимым, а значит, нормальным. Следовательно, ты можешь действовать дальше. И при этом ты должен верить в то, что делаешь. Чтобы твоя борьба казалась для тебя важнее жизни. Это необходимо в самом начале. Потом все идет по накатанной. Главное, самому себе все правильно объяснять.

Война – штука страшная, чего уж там. Но, несмотря на это, люди идут на войну, они воюют, даже видя кровь и смерть своих и чужих. Казалось бы, нужно быть отчаянным безум-

цем, или не знающим страха, или просто дураком, чтобы там оставаться. Так в чем же мотивация воюющих и почему они снова и снова идут в бой? Есть ли люди, которые не боятся смерти?

Я думаю, таких людей нет. Всем страшно. Инстинкт самосохранения никто не отменял. Но ведь есть трусы, и есть храбрецы. Все просто. Храбрецы – это те, кого страх не сковывает, и они могут побороть его в себе в самый ответственный момент. А побороть помогает чувство долга и ответственности – ответственности за исход дела и за своих товарищей, так как в бою от тебя зависит жизнь твоих побратимов, а твоя жизнь зависит от них. Трус – это человек, которым страх завладевает полностью, он контролирует его, и все действия и не действия труса подчинены только ему, страху. Трус опасен в бою. Из-за одного труса может погибнуть все подразделение.

Признаюсь честно: откровенных трусов я пока не встречал, однако страх в глазах видел. Но это нормально, ибо без страха не было бы и героизма. Здесь, на войне, я заметил одну интересную штуку. Молодые солдаты, которым лет по двадцать, меньше боятся смерти. Вернее, они не столько не боятся ее, сколько меньше верят в то, что они могут погибнуть. Скажу по себе, что в начале войны, в первых боях, страха совсем не было. Хотя знал, что буду воевать, все-таки пошел добровольцем и сразу же сделал все, чтобы попасть на самый передок.

Первые мысли о возможной смерти появляются после того, как появляются первая кровь и первые потери. Но ты все равно не веришь в свою смерть – иначе где взять силы для того, чтобы снова идти в бой? Да и кто поверит в то, что его, двадцатилетнего красавца парня могут убить. Не может такого случиться, несправедливо это. Но такие несправедливости случались, к сожалению. Особенно не по себе становится, если тебя серьезно так ранят. Ты перестаешь верить в свою заговоренность. Смерть уже не кажется чем-то мифическим, она становится более чем реальной.

Все эти мысли и философские рассуждения для меня сейчас вроде как мантры самоуспокоения. Я ведь не просто так тут сижу в окопе и, глядя в небо, мысли всякие думаю и философии рассуждаю. Я, вообще-то, мать его так, небольшой складной лопаткой грызу жирную от набухшей воды землю, чтобы спрятать свое любимое тело от скорого артиллерийского обстрела. А вся эта философская муть в голове нужна, чтобы отвлечь мозг от забитых напрочь мышц рук, от постоянно ноющей спины и ног, дабы он, этот чертов мозг, перестал меня мучить болевыми спазмами. Думаешь всякую хрень и вроде как не обращаешь внимания на боль во всем теле, вроде как и ковыряешь лопаткой землю.

Успел вовремя. Первые пристрелочные снаряды легли метрах в ста от меня, когда я, весь грязный, мокрый, злой, чертовски уставший, залезал в боковую нору и прикрывался деревянным щитом, который до этого лежал на дне окопа.

Только залез в свою нору, как тут же начали частить близкие разрывы. Сначала легкие взрывы минометных мин малого калибра, потом ударили чем-то тяжелым. Бах! Бах!

Потом рвануло совсем хорошо – громко, мощно. Судя по звуку, это прилет «града». Сто двадцать два миллиметра – это вам не хухры-мухры. Длинные, трехметровые «карандаши» прилетают с той стороны и, соприкасаясь с поверхностью, сеют вокруг себя смерть и разрушения. Двадцать килограмм взрывчатки, которые несут с собой осколки и взрывную волну. От его огня не спасут ни тяжелая броня, ни окопы. Одна ракета способна уничтожить все живое в радиусе ста метров, а за двадцать секунд установка способна выпустить сорок снарядов.

Тех, кого не убьет взрывом, достанут осколки: от одного снаряда, в зависимости от модификации, получается до трех с половиной тысяч смертоносных осколков. Тот, кто чудом избежит первых двух поражающих факторов, просто сгорит: температура в эпицентре взрыва может достигать двух тысяч градусов, броня начинает плавиться, люди сгорают моментально вместе с амуницией.

Это не первый мой обстрел, и не второй, и не третий, и даже не десятый. Я давно перестал считать, сколько раз попадал под обстрелы. Причем не только вражеские: пару раз попа-

дал и под прилеты наших артиллеристов и ракетчиков. Мы ведь разведка, всегда на передке, а ракеты, особенно такие «грады», они малехо тупые и бьют по площадям. БМ-21 «Град» отличается не самой выдающейся точностью, в среднем ракета может отклониться на тридцать метров. Учитывая ее мощност, это не особенно важно, цель все равно будет уничтожена. Но если стрельба ведется в городской черте, это нередко приводит к нежелательным жертвам.

Первыми смертельный «град» испытали на себе китайцы. Чтобы сломить сопротивление горстки советских пограничников на острове Даманский, они сосредоточили пару тысяч солдат, боевую технику и артиллерию в лесном массиве неподалеку. После удара РСЗО БМ-21, которые по документам проходили как тракторы, за считанные секунды солидный участок леса вместе с маоистами был перепахан сталью, выжжен и фактически перестал существовать.

Эта война на самом деле война артиллерии. Здесь на первом месте РСЗО и ракеты, на втором – дальнобойные гаубицы, пушки и САУ, на третьем – различные минометы, потом идут танки и ПТУРы. Стрельба всех этих систем корректируется с воздуха с помощью различных беспилотников. Где-то между первой и второй строчкой этого рейтинга расположились боевые самолеты и вертолеты. Спецназ при поддержке легкой бронетехники при этом должен все сделать так, чтобы артиллерия заняла более выгодные позиции и точно наносила свои удары.

Боевые действия нынче имеют совершенно другой характер и мощь и не идут ни в какое сравнение с событиями восьмилетней давности. Годы 2014-й и 2015-й даже близко не стояли с той мясорубкой, что творится сейчас. Эта война войдет в историю как самая кровавая на постсоветском пространстве и за год по потерям переплюнет десятилетний Афган и Чечню.

Артиллерию активно использовали обе стороны. Мы гасили врага, он гасил нас. Мы засыпали их позиции карандашами «градов» и фугасными чушками тяжелых гаубиц, они в ответ делали то же самое. Подавляющая часть наших «двухсотых» и «трехсотых» была результатом работы вражеской артиллерии. Некоторые мои товарищи погибли, так ни разу и не увидев живого врага в прицел своего автомата. Славяне в очередной раз лупили друг дружку почем зря. Гражданская война – самый жестокий и беспощадный способ уничтожения людей одной веры и национальности.

Под обстрелом страшно. Вот сколько под них ни попадай, а всегда страшно. Конечно не так, как в первые разы, но все равно ссыкотно. Внутри ужас, который сложно выразить словами. Весь обращаешься в слух; нервы, как струны, лопнут – и слез не удержать. Первое время нещадно трясешься от страха, мозг отказывается работать, тело не гнется, вообще не подчиняется. Кажется, и дышать перестаешь. Замер, вслушиваешься, как близко ложатся вражеские снаряды. Тело парализует, и оно отказывается подчиняться.

Бывало, под первыми обстрелами кто-то из моих боевых товарищей и обдeldывался от страха, но никто и никогда не смеялся над ними за это. Смеяться будет только тот, кто сам никогда не попадал под обстрел. Потому что такие люди просто не понимают, каково это – быть в эпицентре одновременно землетрясения и извержения вулкана. Земля под ногами трясется от близких разрывов, да еще и с неба летят огненные кометы, и ты даже не заметишь, как твой сфинктер разожмется и выпустит наружу предательскую струю. Ты не контролируешь свой организм, его контролирует страх, природный, первобытный страх, доставшийся нам от предков, которые могли предчувствовать природные катаклизмы – землетрясения и извержения вулканов.

Но это все попервоначалу, особенно когда салят чем-то мощным, типа 122-, 152- или 155-миллиметровым. А потом даже к этому привыкаешь. Боишься, конечно, но не так сильно. А если еще удалось надежно спрятать свое тело, то совсем красота, можно и вздремнуть малешко. Нет, полноценного сна, конечно, не будет – где вы на войне, особенно на передовой, видели, чтобы бойцы нормально, полноценно высыпались? Просто на какой-то миг часть мозга отключится, и произойдет небольшая перезагрузка психики.

Что со мной и произошло. Сон навалился как-то незаметно, будто бы исподтишка. Вот так под близкие частые разрывы я и уснул, а точнее, провалился в липкое, мутное болото насто-
роженной дремоты.

Глава 4

Из омута беспокойного сна меня вырвал яростный шепот, раздававшийся снаружи.

– Псих! Псих! – слышалось поблизости. – Братан, ты где?

– В пи***е, на верхней полке, – таким же шепотом ответил я, передразнивая звавшего меня парня.

– Епать-копать! Фу ты, бляха муха, напугал, зараза! – раздался за дощатой перегородкой испуганный матерок.

Через пару секунд в мою темную нору проник слабый свет, дощатая перегородка отвалилась, и я увидел довольное лицо своего друга и боевого товарища – Семена Воршавина с позывным Бамут.

Сема – невысокий коренастый крепыш. Роста он невысокого, зато могуч в плечах и руках, впрочем, как и многие опытные пользователи ПК. Нос картошкой, простоватое лицо, усыпанное веснушками и рыжими куцыми волосами на подбородке. Борода у Бамута никак не растет, из-за чего он сильно переживает, потому что в его видении мира доблестный воин обязательно должен быть бородат, как гном из произведений Толкина.

Ему двадцать два года, родом он из небольшого шахтерского поселка в Донбассе. На войне Сема почти половину своей жизни. Начал он воевать в 2014 году, записавшись в ополчение вместе со своим отцом. Отец Бамута Максим Воршавин был первым номером пулеметного расчета, а его сын Семен стал вторым номером.

Если вы думаете, что это был патриотический порыв, то не ошибетесь; правда, надо уточнить, что в ополчении хоть как-то кормили, а на гражданке в то время было совсем тоскливо, особенно в тех поселках, где шли бои. Семейство Воршавиных как раз из такого фронтового шахтерского поселка. Мать Семы умерла от рака еще до войны, отец сильно пил, а в пятнадцатом году погиб во время украинского обстрела. В мирную жизнь Семен уже не вернулся, так и застрел в ополчении со своим пулеметом.

Про профессионалов и мастеров своего дела говорят, что они родились с инструментом в руках. С Бамутом все было еще хлеще: он не просто родился с пулеметом в руках – он, похоже, родился от союза двух пулеметов. Его отца звали Максимом, мать – Дарьей. Ну про «максим» все знают, что это такой пулемет времен Первой, Второй, да, честно говоря, и этой, Третьей мировой войны. А «дашкой» в войсках часто кличут крупнокалиберный пулемет ДШКМ.

Бамут был не просто хорошим пулеметчиком, а пулеметчиком от бога, я еще никого не видел, чтобы кто-то так проворно управлялся бы с ПКМ. При этом у него за плечами было всего восемь классов обычной поселковой школы и никаких пулеметных курсов. Все премудрости ратного дела Бамут познавал на практике, впитывая опыт многочисленных боевых товарищей, деля все полученные знания на нужные и ненужные. Все, что может пригодиться в бою, хорошо, а все, что мешает побеждать и выживать, плохо.

Мы с Бамутом через многое прошли за эти годы. Вместе начинали с Крыма, вместе бились против нациков из батальона «Готенланд», вместе брали штурмом переправу возле Новой Каховки, вот теперь вместе держим оборону на окраине Токмака. Он мой лучший друг. Причем не только из-за того, что мы сражаемся плечом к плечу уже два года, а еще и потому, что мы с ним очень похожи и непохожи одновременно.

Мы примерно одного возраста: ему – двадцать два, мне – двадцать пять. Мы оба круглые сироты. У нас примерно одни и те же взгляды на жизнь и свое место в этом мире.

На этом общее заканчивается, и начинаются различия. Мы с ним совершенно разные: как богач и бедняк, как умник и тупица, как силач и слабак.

Я из богатой, обеспеченной семьи. Получил хорошее образование, знаю три иностранных языка, английский для меня как второй родной. Еще два года назад я был популярным

блогером с несколькими миллионами подписоты. Канал на YouTube¹ приносил мне неплохую прибыль, которая, в сущности, была мелочью по сравнению с дивидендами, которые я получал со счетов своих родителей. Когда началась война, я учился на третьем курсе МГТУ. До этого были два курса МГИМО, но после смерти родителей я ушел оттуда и решил, что буду учиться на инженера, а не на дипломата, как они хотели. В общем, у меня все было хорошо, успешно и сыто. Жрал с золотого блюда и срал в золотой унитаз.

Сема из простой семьи. Мать умерла от рака, отец бухал, а единственный сын рос на улице. В школе Бамут учился из рук вон плохо, он и в ополчение пошел больше не из патриотических побуждений, а чтобы регулярно кушать и не ходить в школу. Семену за счастье было попасть в Донецк, где можно побродить по улицам или покататься на эскалаторах в торговых центрах. Денег у него при этом было только на проезд до столицы Донбасса и обратно в свой поселок.

И я, который рассекал по улицам Москвы в ярко-желтом Chevrolet Camaro VI. Двести тридцать восемь лошадей под капотом. Рестайлинг. Машина точь-в-точь как Бамблби из второй части «Трансформеров». За один вечер я мог просадить пару миллионов или сгонять на выходные в Европу, чтобы попить пивка в Чехии, а потом отведать свежее испеченных круасанов в Париже.

Вот где мы с ним могли пересечься в мирной жизни? Где богач и сноб, мнящий себя аристократом, мог бы встретить простого парня из глубинки, которому за счастье покататься на эскалаторе? Правильно, нигде! А на войне – пожалуйста!

– Псих, ты че? – толкнул меня в плечо Бамут, вырывая из задумчивости. – Опять, что ли, мысленно философствуешь?

– Ага, – кивнул я. – Подумал, что если бы не война, то хрен бы когда я мог лицезреть твою рожу.

– Это точно. Да и я на твою харю не посмотрел бы: делать мне больше нечего, как глазеть на заносчивого мажорика.

– Где остальные?

– Ковалев словил осколок, рядовые Стылов и Тычин эвакуируют его в тыл, а я пошел тебя искать.

– Серьезное ранение?

– Вроде не очень: осколок попал в задницу по касательной, но зацепил крупную артерию, кровячки было до фига. Кровь остановили; если вовремя дотащат, то скоро вернется в строй. Лишь бы успели.

Эвакуация раненых с передовой в наших условиях городского боя – это жесть. «Трехсотых» несколько километров приходится тащить на себе по руинам и завалам до сборочного пункта, где можно перегрузить раненых на технику. Машины приходят нерегулярно, постоянные прилеты и вражеские обстрелы делают эвакуацию раненых настоящей русской рулеткой, где каждая эвакуационная команда может превратиться в «груз двести».

– Знатно ты этот «страйкер» причесал, я успел на камеру все заснять. Круто вышло!

При этом лицо Бамута выражало какую-то тайну и самодовольство, как в тот раз, когда он подрезал у соседей ящик сгущенки. Семен, помимо того, что был мастером управляться с пулеметом, был еще и виртуозом мародерки. Второй его позывной, который он, правда, не любит, – Мародер.

Думаете, «мародер» – это оскорбление? Вроде ругательства? Это не совсем не так. В чем отличие мародерства от собирания трофеев? Вроде сущность у обоих процессов одинаковая – забрать с тела поверженного врага или защищаемого им оборонительного сооружения чужое

¹ РКН: сайт нарушает закон РФ.

имущество. Но есть некоторые нюансы, которые и отличают мародерство, караемое Уголовным кодексом, от сбора трофеев, честно добытых в бою.

Если ты убил врага, то все, что при нем, – честный твой трофей, вплоть до одежды, обуви и съестных припасов. Про боеприпасы и оружие и говорить не надо – они, понятное дело, при любых раскладах трофей. А вот забирать личные вещи, не относящиеся к военному ремеслу, к примеру, обручальные кольца, цепочки, нательные крестики или семейные фото – это уже мародерство. А наручные часы – это все-таки трофей, потому что часы – это часть амуниции, и на войне они весьма кстати.

Однако цепочки, кольца и особенно доллары из карманов поверженных врагов выгребают частенько. Наказывают ли за это? Если увидит привередливое и суровое начальство, то могут и наказать. Но на переднем краю, в красной зоне, редко когда это начальство встретишь. В основном все, кто палился на мародерке, страдали из-за собственной глупости и бахвальства, когда хвастались награбленным перед другими.

На войне точно нельзя грабить дома мирных жителей, особенно если в них не расположены вражеские позиции. Нельзя отбирать у гражданских лиц еду и одежду, особенно последнюю. Нельзя заставлять их против воли строить фортификационные укрепления. Но если дом покинут его хозяевами, то можно разломать мебель, чтобы развести костер, можно съесть найденные в погребе припасы. Однако тут надо быть осторожней, потому что попадались заминированные банки с медом и крупа вперемешку с крысиным ядом.

Я оглядел Бамута с головы до ног и заметил, из-за чего он так светится самодовольной рожей. У него на ногах появились новые ботинки – хорошие кожаные берцы с высоким голенищем.

– Новые шузы? – спросил я.

– Какие шузы?! – презрительно скривился Бамут. – Гля лейбл! – Он показал мне ботинок, на котором был выбит торговый знак производителя. – *Corcoran*! Америка, мать ее так! Это Кокораны, а не какие-то там тебе шузы! Между прочим, с кевларовыми стельками внутри.

– Вообще-то, «shoes» в переводе с английского – это и есть «обувь», – пояснил я другу.

– Да? – удивился Бамут, но тут же поправился: – Я и так это знал. Но новые ботинки – это еще не все.

– Что еще?

– Я, когда твою «гоупрошку» установил, чтобы она сама снимала «страйкер», не видел, как ты расстреливал вражеский броневики: отвлекся на перестрелку с десантом. А потом, когда после перестрелки пересматривал запись, то заметил, что из горящего «страйкера» выполз пассажир.

– И где он?

– Там лежит, босой, – ответил Бамут, легким взмахом руки показывая направление. – Между прочим, офицерик американской армии, но по-нашему гутарит – будь здоров.

– Молодчага! – похвалил я друга.

Мы двинулись по окопам в сторону города, туда, где Бамут спрятал пленника. Вражеский обстрел прекратился: слава богу, что дождь так и шел не переставая, а тучи, казалось, повисли еще ниже. Поднялся ветер, что, конечно, доставляло определенные неудобства, но тоже радовало. Ветер – первый враг легких беспилотников. При сильном ветре эти вездесущие «глаза» с пропеллерами на спинах не летают, а значит, для вражеских корректировщиков мы невидимы.

Ковровый обстрел «градами», конечно, страшен – много взрывов, волны осколков, море огня. Но если находиться в надежном укрытии, то можно и такой массированный обстрел пережить без потерь. Но на этой войне особенно страшно, когда опытный корректировщик врага управляет огнем хорошо подготовленного артиллерийского расчета. В таком случае мины и снаряды могут ложиться настолько точно, что со второго-третьего раза залетают прямоком в

любой окоп, траншею и даже одиночную стрелковую ячейку. Это я еще о сбросах с дронов молчу, там могут ВОГ или ручную гранату тебе точно за шиворот закинуть.

Нашим дедам в этом плане было проще: у немцев не было БПЛА и высокоточных снарядов, наводящихся по GPS-координатам, не было разведанных из космоса, много чего не было. А у нашего противника все это есть. Но ничего, у нас тоже много чего есть. Как говорится, на каждую хитрую гайку всегда найдется болт с умной резьбой.

Когда я еще учился в МГИМО, то один из наших преподавов любил при каждом удобном случае вставить в лекции упоминание о Бисмарке. В те времена я на это не очень обращал внимание, а вот сейчас многое, что говорил тогда преподаватель, видится по-другому.

Вот самые известные высказывания Бисмарка о России и русских. «Россия опасна мизерностью своих потребностей». «Никогда не воюйте с русскими. На каждую вашу военную хитрость они ответят непредсказуемой глупостью». Кстати, вот это выражение Бисмарка – самое знаменитое. Правда, среди нас, русских. Сколько раз был в Германии и спрашивал у местных, знают ли они эту цитату «железного канцлера», все только и отвечают, что, мол, не знаем, никогда не слышали.

То есть еще сто пятьдесят лет назад умные люди предупреждали Европу, что нефиг лезть в Россию. Но им все никак не понять нашего мировоззрения. Мы добрые, толстокожие, медлительные и со стороны кажемся тьюфяками. В нас тычут, тычут палками, мы терпим, терпим... Потом – бац! – выхватываем палку из рук обидчика и засовываем ее агрессору в жопу, да так глубоко, что она проходит через весь организм и выходит через рот.

– Псих, ну ты че, в натуре, братан, где-то витаешь? – толкнул меня в плечо Бамут. – Ходишь как зачарованный. Соберись! Контузило, что ли?!

– Все нормально, – отмахнулся я. – Тебе, сиволапому, не понять тонких струн моей души.

– Ага, ты своими струнами тут особо не звени, а то сейчас с коптера скинут ВОГ – и взиздец.

– Ветер поднимается, «птички» в такую погоду не летают, – ответил я.

Беспилотники реально стали одной из главных угроз на этой войне. Если в самом начале войны их использовали в основном в качестве наблюдателей и разведчиков (для того чтобы корректировать стрельбу артиллерии разного калибра), то сейчас используют еще и в качестве миниатюрной, карманной авиации. У противника с самого начала войны дронов было в разы больше, чем у нас. Да и сейчас дронов у них по-прежнему больше – уже не в разы, конечно, но все равно больше.

У нас дроны тоже появились; правда, не потому, что тыловики стали нас ими снабжать: на российских военных складах нет такого вида вооружения, как маленькие квадрокоптеры, которые используют в ротах и взводах на передовой. Все маленькие дроны типа «Мавио» поступают на передовую исключительно в качестве гуманитарной помощи от народа, через волонтеров. В армии на складах есть только большие дроны, которые официально приняты в качестве вооружения, – «Орланы», «Орионы», «Ланцеты» и прочие «Герани» с «Шахидами».

Дронов на передовой много. Научиться пользоваться в разведывательном варианте – вообще без проблем. Использование со сбросами боеприпасов более рискованно для оператора: нужно уверенно обращаться с гранатами и самодельными взрывными устройствами.

Все дроны ведут разведку, передавая видеосигнал на смартфон или планшет оператора. При обнаружении перспективных целей по координатам наводят артиллерию. Лишь двадцать процентов дронов снабжены системами сброса взрывающихся «сюрпризов». Но это не очень успокаивает, потому что в случае, если нас заметят с вражеского дрона, не снабженного системой сброса, то могут навести арту, и тогда прилетит не ВОГ или РГД-5, а тяжелый снаряд или минометная мина.

Есть определенные правила поведения на передовой, чтобы обезопасить себя от этой летающей и вечно жужжащей напасти над головой. При любом перемещении или обороне надо

сперва организовать постоянное визуальное наблюдение за небом и постоянную аудиоразведку на характерный шум коптера. Нельзя кучковаться в окопах и на местности, иначе сверху обязательно прилетит смерть. Если при выдвижении в места временной дислокации заметил коптер противника, не веди его к своим, не вскрывай места дислокации, выжди, пока противник улетит.

С воздуха тебя крайне плохо заметно, если:

– ты в укрытии и не двигаешься: главный фактор, по которому видно с воздуха, – движение;

– ты в тени от предметов;

– ты сидишь, а не лежишь: с воздуха не виден силуэт.

Ты хорошо заметен, если:

– двигаешься;

– на земле различимы твои следы;

– тебя видно в тепловизор.

Надо маскироваться в первую очередь от наблюдения с воздуха, везде использовать маскировочные сети. От тепловизора помогает только прослойка воздуха между слоями маскировки или зонтик. Сильно заметны любые полиэтиленовые пленки, свежая земля и бытовой мусор.

Если своевременно заметил коптер и занял укрытие, не демаскируй без нужды себя и позицию: коптер может провоцировать огонь на себя для последующих сбросов и наведения арты. Создавай для коптеров ложные цели. Помни, что у многих есть тепловизор. Пример ложной цели – бетонная плита с разведенным под ней огнем.

Коптеры часто работают в двойках и каруселью, могут висеть над позициями постоянно. От дронов-камикадзе используй для укрытия сетку-рабицу – дрон застрянет в ней. Делай противогранатные скаты, чтобы при сбросе они не закатывались к тебе в укрытие. Если коптер летит невысоко и ты точно обнаружен, можно и нужно пробовать сбить его стрелковой. Чем плотнее огонь, тем больше шансов. Стрелять нужно с упреждением на сто метров примерно на габарит дрона. В идеале, конечно, использовать противодронные ружья, но их не так много еще в частях.

Если видишь, что коптер будет делать сброс, постоянно двигайся: он может прицелиться только по неподвижной цели. Помни, что запас батареи коптера на сброс не более десяти минут с учетом дороги. Если находишься на открытой местности, ляг на спину и наблюдай за коптером. Нельзя лежать на животе: на жопе глаз нет, а надо следить за небом. Как только он сбросил боеприпас на вас, уходи перекатом, не вставая на ноги, в сторону. Сделав два переката, займи позу эмбриона, лицом от разрыва, сократив возможную зону своего поражения.

Если сбросят ВОГ, он взорвется при ударе о землю; если гранату, она может еще прокатиться по земле. Чаще всего перед сбросом беспилотник озаряется вспышкой света: система сброса оснащена фотоэлементом, который, реагируя на вспышку, приводит в действие сброс боеприпаса. Поэтому, как только заметил, что дрон озарился вспышкой света, сразу же перекачивайся в сторону.

Не тупи, не ссы, и все будет хорошо!

Глава 5

Темнеет. Еще немного, и наступит ночь. С одной стороны, ночь – это хорошо... Хотя нет, ночь – это со всех сторон плохо. Почему? Да потому что ни хрена не видно. Не видно, куда идти и что под ногами. В темноте можно легко напороться не только на мину, но и на неразорвавшийся снаряд, который может быть поопасней всяких там мин. Можно угодить ногой в яму и сломать себе ногу.

К тому же наличие тепловизоров на той стороне делает наше перемещение в темное время суток таким же явственным, как и днем. Причем даже более явственным, чем днем, потому что с заходом солнца земля и камни остывают, и мы, как теплокровные существа, становимся более заметными на их холодном, безжизненном фоне. Да, на нас теплоизолирующие пончо, но... Стоп!

– Бамут, а где твое пончо? Ты куда его дел?

– Носилки из них с пацанами сделали, чтобы они могли раненого тащить. А что?

– Ничего. Рыжик, как увидит, на чем вы раненого принесли, так всем таких людей всыплет, что мало не покажется.

– Да и пох, – легкомысленно отмахнулся пулеметчик, – лишь бы сержанта живым дотащили, а что будет с этими накидками, неважно.

Прибавили шагу: надо успеть до наступления полной темноты убраться из серой зоны. Нам еще пленного конвоировать, а это тот еще геморрой. Надо не только смотреть себе под ноги и успевать крутить головой на триста шестьдесят градусов, но еще и на пленного поглядывать, чтобы он там чего не учудил. В рядах противника все чаще и чаще появляются отчаянные бойцы, которые, даже попав в плен, продолжают бороться до конца, часто забирая с собой в могилу кого-то из нерасторопных недотеп, которые плохо контролировали пленных.

Бамут – воин опытный, у него не забалуешься. Пленный был упакован и спеленат, как гусеница, которая решила стать бабочкой и свернулась в кокон. Семен связал пленному руки и ноги по отдельности, а потом еще и между собой. Рот вражеского бойца был заткнут витками армированного скотча.

Армированный серебристый строительный скотч – это такое же величайшее изобретение человечества, как изолента синего цвета и ядерная бомба. Особенно ценность скотча проявилась на войне. С его помощью военные делают себе перевязки, стягивая раны и останавливая кровь, могут и вместо лейкопластыря использовать. Намотал скотч на рукава и штанины – получил систему опознавания «свой – чужой». Противник тоже, кстати, активно скотч использует. Только ВСУ больше предпочитают синие, желтые и зеленые цвета скотча, а мы – красные и белые.

С помощью скотча граждане военной наружности скрепляют между собой автоматные магазины в спарки или мастерят самодельные взрывные устройства. Фиксируют скотчем растяжки, мины, провода и все, что пожелают, на деревьях, стенах, заборах. Пару раз видел самодельные носилки для переноски раненых, сооруженные из армированного скотча и двух жердин. Носилки получились одноразовые, но свою миссию выполнили, и «трехсотого» дотащили до эвакуационного пункта. Ну и руки пленным вместе с ногами и ртами заматывают. В общем, скотч – это полезная, сука, вещь!

Пленник был бос, даже носков не было. Зато рядом с ним стояли старые, стоптанные берцы Бамута. Я присел рядом с вражеским бойцом, хорошенько оглядел его. Молодой мужчина лет тридцати, немного старше нас с Семеном, а может, и такого же возраста: просто на войне из-за постоянного стресса и множества испытаний люди стареют в разы быстрее, чем в мирной жизни.

Карманы и подсумки осматривать не было смысла: мне с Бамутом в плане мародерки не тягаться, он в этом профи, а я в силу своего воспитания частенько брезгую лезть к людям в карманы. И не из-за того, что они грязные и вонючие, а просто элементарно какое-то чувство стыда возникает, когда копошишься в чужом нутре. Одно дело – забрать автомат и магазины с гранатами и ножом, и другое дело – выворачивать карманы. Нет уж, увольте.

– Документы его.

Бамут протянул мне пластиковую карточку и небольшую книжицу удостоверения личности военнослужащего. Удостоверение офицера и бойца интернационального легиона территориальной обороны Украины. Захарчук Марек Павлович. Тридцать два года. Капитан.

– А вот еще и фотка занимательная есть.

Семен положил на землю смятую фотокарточку, на которой был изображен Марек Захарчук в форме американского офицера, обнимающий молодую девушку с младенцем на руках. Семейное фото. А ведь опытные люди всегда говорят, что надо следить за своими карманами и не класть в них лишние фотографии. Не удержался Марек – видать, слишком сентиментальный.

– Короче, некогда ляды точить, надо двигать к нашим, – решил я. – Обуй его, развяжи ноги, да пошлепали. Я пройду вперед и, пока светло, разведваю дорогу.

– Ему моя обувка будет мала, – меланхолично ответил Бамут. – Пришлось даже его носки нацепить на ноги, чтобы в его шузы влезть. У него нога на два размера больше моей.

«Шузы» было сказано с такой интонацией, что сразу было понятно, на каком органе хотел Бамут вертеть всех англосаксов вместе взятых.

– Обрежь ножом носки ботинок, пусть пальцы наружу торчат, – посоветовал я. – Если он будет бос, то не сможет идти; если натрет ноги, то тоже не сможет идти. На себе его тащить нельзя. Так что варианта два: либо ты возвращаешь ему ботинки, либо режешь свои, и пусть светит пальцами, как в сандалиях.

– Вот ты зануда! – скривился Бамут. – Ладно, будь, по-твоему.

Через пару минут все было готово, и мы выдвинулись в сторону остовов трехэтажек. Я шел первым, разведывая дорогу и прокладывая путь, вторым двигался пленный, замыкал Бамут, следя за пленником. Я тихим шепотом предупреждал об опасностях на пути и сложных участках.

Нам как раз удалось добраться до начала городской черты, когда начался очередной, не знаю какой уже по счету за сегодняшний день обстрел. Снаряды летели с привычным свистом, и мы вовремя спрятались в укрытие – развалины гаража с глубокой смотровой ямой, стенки которой были отделаны кафельной плиткой. Столкнули пленника вниз, сами плюхнулись на него сверху.

Разрывы ложились с разных сторон, некоторые совсем рядом, другие в стороне. Осколки, комья земли и обломки камня летали у нас над головами; пару раз крупные куски кирпича залетели в наше укрытие. Сверху сыпались земля, камни и мелкое кирпичное крошево. Хорошо, что мы с Бамутом были в защитной амуниции и шлемах, именно для таких случаев они и нужны.

Легкий композитный шлем не выдержит попадания пули, пусть даже калибра 5,45, но вот камень, прилетевший от близкого разрыва, он выдержит и не даст бойцу погибнуть. На этой войне камни и осколки летают в воздухе чаще, чем пули. Наши батальонные медики рассказали мне, что по статистике семьдесят процентов ранений приходится на минно-взрывные ранения и по десять процентов – на заболевания, пулевые огнестрельные ранения и травмы. Может, конечно, официальная статистика более точная, и там есть доли процентов или числа другие, но все равно именно от артиллерии страдает подавляющее число солдат на этой войне.

Обстрел продолжался минут двадцать. К чему ВСУ начали этот незапланированный расход боеприпасов в нашу сторону, мне было совершенно непонятно. Не решатся же они на ноч-

ную атаку? Надо быть сумасшедшими, чтобы полезть ночью. Одно дело – проникновение ДРГ в нашу сторону, и совершенно другое дело – массированный штурм. Для чего нужен был этот обстрел?! Не понимаю...

– Живы? – отплеывая землю и цементную пыль, просипел Бамут. – Ну, тогда пошли дальше, а то чую, что сейчас сюда пожалуют наши вороженьки.

Я двинул первым, пленник – вторым, Бамут с пулеметом замыкал колонну. Я прокладывал путь, внимательно смотря под ноги, остальные шли за мной след в след. Было видно, что пленник – опытный вояка, идет правильно, ноги ставит только туда, куда перед этим наступил я. Понимает, зараза, что если наступит на «лепесток» или другую противопехотную гадость, то превратится в «футболиста», и хрена лысого мы его потащим в госпиталь.

Семен успевал не только следить за поляком, но и пропускать через себя все пространство вокруг, фильтруя его на предмет опасности. Если неожиданно перед нами возникнут вражеские солдаты, инопланетяне или суперзлодеи из вселенной Марвел, то он их встретит очередей из своего «нулика».

Пулеметчики – это особые люди, они владеют не просто оружием, а пулеметом. Пулемет в команде – это уверенность и мощь. Ничто так не поднимает боевой дух солдата, как трескотня своего пулемета где-нибудь на фланге. И ничто так не заставляет насторожиться и напрячься, как когда свой пулемет неожиданно замолкает посреди боя.

Правда, за эту уверенность и мощь приходится платить стиранием межпозвоночных дисков и проблемами колен. Пулемет и коробки с лентами имеют свой вес, а особенности работы с ПКМ приводят к тому, что пулеметчики чаще остальных бойцов двигаются, прыгают, ползают и бухаются со всего размаху на колени.

Пленника вытащили из смотровой ямы, стерли ему рукавом кровь из рассеченного при падении лба и пинками погнали дальше. Пленник вел себя на удивление дисциплинированно, послушно выполнял все приказы, не мешая нашему передвижению. Ах, ну да, пленный же американец, а у них вроде даже есть специальная инструкция, как правильно сдаваться в плен: что надо делать, как себя вести, что говорить и какие блага сулить за свое освобождение и человеческое обращение. Вроде бы у них даже орден или медаль есть для тех, кто пережил вражеский плен. Скорее всего, и это семейное фото было взято с собой не случайно, а специально для такого случая, чтобы пленившие его солдаты сразу же поняли, что он не поляк и уж точно не украинец, а самый настоящий подданный дяди Сэма.

С некоторых пор в ряде российских военных подразделений, воюющих на переднем крае, есть негласное правило: наемников в плен не брать. Попался с документами интернационального корпуса – пеняй на себя, получай пулю. То же самое касалось и вражеских бойцов, у которых на теле были татуировки с фашистской или нацистской символикой: свастика всех видов, портреты фюрера, циферки разные, строчки из их мерзких книжонок, козлы и прочая бесовщина. Такие вояки почему-то всегда умирали от передозировки свинца – прям напасть какая-то.

Правда, надо отметить, что враг платил нам той же монетой, и многие мои боевые товарищи носили при себе особенную гранату, которую называли «своей», «неразлучницей» и «вдовой». Я тоже носил такую гранату, правда, раз пять все-таки использовал ее в бою по прямому назначению – бросал во врагов. Но во вражеский плен я точно попадать не хотел, тут уж лучше сразу умереть, потому что смерть не так пугает, как пытки и издевательства, которые применяют к российским солдатам во вражеском плену.

По дороге часто попадались свидетельства недавних боев: то тут, то там стояли остовы сгоревшей военной техники – БМП «двойки» и «копейки», БТРы, несколько танчиков. Это все была наша техника, вражеская так далеко не заезжала, мы ей этого не позволяли. Хотя какое, на фиг, далеко? От первой линии обороны на окраине города, перед трехэтажками, до того места, где мы сейчас идем (а точнее, осторожно крадемся), всего-то метров пятьсот. Но для

городского боя полкилометра – это очень много, капец как много. За эти пятьсот метров можно биться неделями, месяцами. Если, конечно, есть желание, силы и ресурсы у обеих сторон.

У нас на данный момент осталось только желание. Сил и ресурсов уже не осталось. Но ничего, сейчас до своих дойдем, пленного сдадим, а там по-любому товарищи нас обрадуют и скажут, что, мол, пацаны, все пучком, вон подкрепление подошло, так что воюем дальше.

Пленного мы довели до своих целым и невредимым. По дороге нас перехватил скрытый дозор, который сообщил последние новости: 10-й ОДШБ наконец отводят в тыл для перегруппировки, отдыха и доукомплектования личным составом. Это они вовремя спохватились, нас же от штатного состава осталась всего десятая часть. Хотя по всем нормам надо было отводить «Десятку» в тыл намного раньше, когда в строю оставалась половина бойцов. Но, видимо, все нормы и штатные предписания остались в мирном времени, а когда идет война на уничтожение, на многое можно наплевать.

Странно, но позиции, которые покидали остатки «Десятки», никто не занимал, свежий резерв так и не подошел. Мы уходили в тыл, и никто не пришел к нам на смену. Уже на сборочном пункте я узнал, что вся группировка наших войск отходит назад, чтобы выровнять линию фронта, потому что наше упорство привело к образованию большого выступа, который легко можно было подрубить с флангов и захлопнуть защитников города в смертоносном котле.

Про котлы я много чего знал, сам в образовании нескольких подобных принимал непосредственное участие, так что командование проявило мудрость и дальновзоркость. Но от этого почему-то было не особо радостно. Сразу вспомнились слова короткой грустной песенки БГ про то, как подкрепление не пришло, пушка сдохла и всех на***али.

– Черт, знал бы, что мы отходим, не брал бы этого пиндоса в плен, там, на серой зоне, и пристрелил бы его, – проворчал Бамут.

– Нет, ты бы не смог его убить, – буркнул я, комментируя слова Бамута, прекрасно понимая его внутреннее настроение, – слишком он ценен для нас.

Когда ты стреляешь во врага, ты стреляешь не в человека, ты стреляешь в существо, которое пришло убивать других людей. Я ни разу не слышал от реальных людей (не от киношных героев), что стрелять во врага было мучительно тяжело. Более того, это вызывает чувство азарта и стимулируется страхом погибнуть раньше, чем унесешь с собой побольше врагов.

Если ты успешный и результативный воин, то может возникнуть другая проблема – ощущение всевластия. Каждый человек – это личный жизненный опыт, отдельный мир, с которым связано множество других судеб. Когда тебе повезло, и ты, будучи необнаруженным, видишь противника в прицел, невольно начинаешь ложно чувствовать свое величие. Ты начинаешь свою игру – позволяешь противнику пожить еще пять или десять секунд, а потом жмешь на спусковой крючок, жадно считая секунды. И наступает эйфория.

Если с тобой это произойдет, то, считай, что ты перестал быть человеком. Ты превратился в существо, которое забыло, за что сражается. Каждый боец должен понимать, что участие в войне – это не только подвиг, но и ответственность. Главное – выполнить приказ, выжить и остаться человеком.

Также я ни разу не слышал, чтобы кому-то снились лица убитых врагов. Неужели пиндосы такие ранимые, какими их показывает кино? И «вьетнамским синдромом» никто не страдает. Да, были случаи, когда некоторые ребята временно теряли рассудок из-за войны, из-за страха, оттого что их сознание не смогло объяснить и принять новую реальность. Им везде мерещились снайперы противника и казалось, что вот-вот по ним прилетит снаряд. Они явно слышали свист летящей мины и шелест снаряда, хотя в тот момент ничего не происходило.

А «вьетнамским синдромом» страдают солдаты, которые убивали невинных мирных жителей. Как америкосы во Вьетнаме, Ираке, Афганистане и других странах. Мы не такие, мы за справедливость. Наше дело правое, и враг будет разбит!

– Молодцы, парни, – похвалил нас подошедший комбат. – Хорошо отработали, знатный трофей притащили. Я даже не буду звездюлей вставлять за испорченные пончо, которых всего пять было на весь батальон.

– Дык, товарищ майор, для правого же дела накидки испортили, раненого товарища с поля боя вынесли, – нахмурился Бамут. – Кстати, как Ковалев?

– Нормально, жить будет, вовремя дотащили, – ответил комбат. – Просто при себе, Бамут, надо было иметь специальные носилки, а не мастырить из пончо. И тебя, Псих, это тоже касается, как старшего группы. Надо заранее думать, на чем и как будете эвакуировать раненых. Пока прощаю, но в следующий раз звездюлей вставляю! Ясно?

– Так точно, товарищ майор, – хором ответили мы с Бамутом.

Мы с Семеном – бойцы опытные и знаем нашего комбата с тех времен, когда он был старлеем, поэтому делать серьезный и виноватый вид, когда он нас отчитывает, уже научились, но тем, кто видит нашего майора Рыжикова впервые, это бывает нелегко.

Майор Рыжиков Олег Иванович был весьма тщедушного телосложения, низкого роста, да еще и с лицом первоклассника, которого только что оторвали от мамкиной титьки. Голосок у майора тоже был под стать внешности – тонкий и высокий. Но внешность порой бывает обманчивой, в случае с нашим майором так уж точно. На самом деле он был кремень, а не мужик. Я еще никогда в жизни не встречал настолько принципиального и упрямого человека, который все свои поступки совершает по закону, нормам этики и человеческой морали.

Из-за этого его упрямства его одновременно любят, уважают и ненавидят. Потому что Рыжиков не будет подписывать «левые» накладные, делать приписки и подавать наверх фиктивные отчеты. Это его упрямство приводит к тому, что наш ОДШБ постоянно кидают на самые опасные участки фронта, да еще и всячески стараются обделить в плане материально-технического обеспечения.

А вот солдаты его любят, потому что он всегда рядом, всегда за своих подчиненных бьется до конца, ест со всеми из одного котла и спит в тех же землянках. Мы с Рыжиковым одного возраста, одногодки. По меркам мирной жизни сопляки еще, а по меркам войны – уже бывалые ветераны.

Война – это дело молодых, лекарство против морщин. Если погибнуть молодым, то никогда не состаришься, так и оставшись вечно молодым.

И две тысячи лет – война, война без особых причин. Война – дело молодых, лекарство против морщин. Красная, красная кровь – через час уже просто земля, Через два на ней цветы и трава, через три она снова жива И согрета лучами звезды по имени Солнце...²

² Песня «Звезда по имени Солнце» группы «Кино».

Глава 6

Наш батальон отводили в тыл. В строю осталось сорок три бойца, из них двенадцать – легкораненые, которых в госпиталь можно было не отправлять. Так или иначе все оставшиеся в строю были ранены: у каждого были ушибы, крупные царапины, рассечения, растяжения, легкие контузии и отбитые внутренние органы. В госпиталь отправляли только тех, кому нельзя было оказать лечение на месте.

Сегодняшний бой прошел для нашего подразделения вполне успешно: убитых не было, только раненые. Зато мы смогли сжечь два вражеских танка, «страйкер» и уничтожить не меньше двух отделений пехоты.

За две недели ожесточенных боев на северной окраине Токмака «Десятка» потеряла убитыми сто сорок три бойца. Двести сорок один был ранен и эвакуирован в тыловые госпитали. На данный момент в строю осталось сорок три бойца под командованием единственного офицера – комбата Рыжикова, который, кстати, был за время городских боев дважды легко ранен и контужен. Но в тыл комбат эвакуироваться отказался и сразу же после ранения, когда мы с Жаком откопали его из-под завала, намотал на свою рану скотч и повел бойцов первой роты в контратаку.

Сейчас остатки 10-го ОДШБ своим числом не дотягивали даже до неполной роты – двух взводов и тех не набрать. В тыл нам пришлось идти пешком, таща на себе весь сохранившийся хабар. Это только на первый взгляд кажется, что солдату на войне, кроме оружия и боеприпасов, ничего не надо. Может, в прошлых войнах так и было. Сидор за спиной, скатка через плечо, фляжка на поясе, пилотка на голове, поверх стальной шлем, котелок, винтовка и под-сумок с патронами – вот и весь нехитрый скарб солдата на той войне.

Сейчас не так, сейчас с одной винтовкой и вещмешком за спиной много не навоюешь. Надо нести на себе не только автомат, бронежилет, запасные магазины и гранаты, а еще запас провианта и воды, спальник, коврик, несколько аптечек, лопату, топор и запасные аккумуляторы – для тепловизоров, ночных прицелов, «мавиков», планшетов, раций и тому подобного. Это я сейчас лично свою ношу перечислил, а ведь есть еще и общепатальонный хабар, который тоже надо перетаскивать, всем вместе.

Вот мы и таскали все это в тыл, до того места, откуда можно было относительно безопасно переправить на броне. Оставлять ништяки и батальонное имущество на передовых позициях, которые совсем скоро займут враги, категорически не хотелось. Если не удалось бы все вытащить в тыл, то взорвали бы к чертям собачьим. Но удалось, вытащили! Потому что самая сильная скотина на планете Земля – это не муравей и не слон, а солдат на передовой.

Разместили нас в глубоком, по местным меркам, тылу – аж в десяти километрах от передовой, в небольшом селе Украинка, что располагалось в стороне от дороги между Токмаком и Новони-колаевкой. Местных жителей, как и целых домов, в селении не было. Но для нас это было даже лучше. Тяжело смотреть в глаза местным, когда отступаешь. Они смотрят на тебя с такой укоризной, что хочешь сквозь землю провалиться.

Разместились хорошо: нашли несколько глубоких погребов, где можно было в случае нужды пересидеть обстрел. Соорудили походную баню и кухню. Помимо нас в этом заброшенном селении располагалось еще несколько подразделений вместе со своей техникой.

Концентрировать в одном месте столько народу было опасно, но где сейчас безопасно? У врага есть ракеты, способные нести боезаряд на расстояние в несколько сотен километров, есть беспилотники, которые летят еще дальше. Есть данные космической разведки, которые предоставляют им пиндосы, есть высокоточные снаряды, которые летят настолько точно, что могут все шесть лечь в одну точку. Но и у нас тоже много чего есть, поэтому и на той стороне стараются не кучковаться и большими группами не собираться.

Мы расположились в стороне от соседей, заняв руины нескольких домов, из которых явственно тянуло мертвечиной. Скорее всего, в прошлом году, когда здесь проходили бои, в одном из этих домов под обломками кто-то погиб, и тело или тела так и не вытащили и нормально не захоронили. Наверное, из-за этого запаха рядом с руинами никто не ставил технику, палатки и не размещал личный состав.

Но мы народ, к воню привикший, нас мертвечиной не испугать, нос от нее мы не воротим, поэтому тут и разместились. Натянули маскировочные сети, под ними в самодельных навесах и палатках расположился личный состав. Соорудили баню и кухню.

Если руки растут из нужного места, то можно везде обосноваться с относительным комфортом, приспособив для пользы дела порой самые ненужные вещи. К примеру, из стреляных 152-миллиметровых артиллерийских гильз можно сделать походную печку для приготовления пищи, обогрева личного состава и топки бани. Такая печка будет работать не только на дровах, но и на машинном масле или соляре. И все это без сварочного аппарата или газового резака, исключительно ручной инструмент, пара выстрелов калибра 7,62 и несколько матерных слов, чтобы объяснить исполнителю, что надо получить в итоге.

Для нас эта остановка в селе Украинка лишь небольшая передышка; мы ждем, когда командование определится с местом, где наш батальон пополнится новым личным составом, техникой, и придет за нами транспорт. Если бы потери были не такими значительными, то можно было бы не отводить нас так далеко, дополнили бы новыми бойцами прямо на передовой, да снова в бой. Но потерять девяносто процентов личного состава ранеными и убитыми – это критично даже для нашего закаленного в боях штурмового батальона.

Обычному воинскому подразделению хватило бы за глаза и пятидесяти процентов выбывших, чтобы считаться вышедшими из строя. Но мы штурмовики, у нас психология другая, мы более бесшабашные, отмороженные и удалые. Вид погибших и раненых товарищей не внушает нам страх, не заставляет остановиться. Наоборот, мы становимся злее, ожесточеннее и прем вперед, не ведая страха.

Второй день без адреналина, страха смерти и горячки боя заставил осмотреться по сторонам, вдохнуть полной грудью, с глаз как будто слетели шоры, которые раньше заставляли смотреть только вперед – туда, где был враг.

О чем мечтает солдат на передовой? Диванный эксперт, находящийся вдалеке от фронта, ответит, что солдат мечтает о победе, наградах и стать генералом. Человек, отслуживший срочную службу в армии, скажет, что, скорее всего, солдат мечтает о еде, выпивке и бабах. Ну а тот, кто провел на передовой хотя бы полгода, без раздумий ответит, что первым делом надо помыться.

Потому что влажные салфетки, которые призваны заменить солдату на передовой душ и баню, заканчиваются в первый месяц (это если экономить). Всякие варианты сухого походного душа, лосьонов, гелей и антисептиков для лежащих больных, привозимые на фронт волонтерами, не всегда доезжают до передовой. И дело тут не в хищениях и воровстве в тыловых частях, нет, причина зачастую более банальна: до самого передка, где идет непосредственный огневой контакт, хрена лысого просто так доберешься!

Машины сюда, тем более гражданские, волонтерские с гуманитаркой, не ходят, потому что их сюда не пускают из соображений их же безопасности. А военный транспорт, который осуществляет подвоз на передовую боекомплекта, амуниции, оружия, медикаментов и воды, частенько добирается лишь до эвакуационных пунктов, откуда забирает раненых. А дальше все надо тащить на себе.

И вот в этот момент солдатик предпочтет взять лишний ИПП, турникет, цинк с патронами, чем сухой душ или тюбик антисептика. Потому что можно походить грязным и вонючим, но лучше иметь еще один перевязочный пакет, который спасет жизнь тебе или твоему товарищу, или лишний автоматный магазин, который поможет продержаться в бою лишние

минуту-другую. Но когда бой заканчивается, и ты на какой-то час попадаешь в зону относительной тишины и безопасности, то первое, о чем ты думаешь и мечтаешь, это помыться в горячей воде, смыть с себя грязь, пот и запекшуюся кровь, сменить пропахшее нательное белье и ощутить скрип хорошенько вымытой кожи.

В тысячный раз ты сам себе даешь обещание, что в следующий раз обязательно бросишь в карман разгрузки несколько упаковок сухого душа или пару пачек влажных салфеток. Но не выполняешь это обещание, потому что сколько ни возьми индивидуальных перевязочных пакетов, жгутов и турникетов, их всегда мало. А с патронами так вообще какое-то колдовство творится, они заканчиваются в самый неподходящий момент, причем всегда резко и неожиданно: вот только что был еще полный цинк, а уже спустя минуту он пуст, потому что набежали боевые товарищи и разобрали патроны в считанные мгновения.

На эвакуационном пункте мы обогатились картонным ящиком, набитым упаковками с сухим душем; судя по этикеткам, делали их равнодушные люди где-то в глубинке России. Губка, пропитанная пенообразующим веществом и одноразовое полотенце. Плеснул на губку немного воды, пожемячил ее хорошенько, чтобы взбилась пена, натер потное и грязное тело этой пеной, а потом вытер полотенцем. Грязь и пот вместе с этой пеной в полотенце и впитались. На какое-то время становится полегче, уже не так чешется и зудит грязная кожа.

После того как мы прибыли в Украинку и перевели дух, сразу же организовали походную баню: жарко натопленная печка, тент, натянутый между вбитых в землю столбов, и горячая вода. Мылись по очереди: в баню больше четырех человек не помещаются. Тесно, дымно, неудобно! Но даже такая, походная, сделанная наспех баня, в тысячу раз лучше, чем сухой душ.

Как только остановились в разгромленном селе, навели мосты с соседями, которые оказались мобиками из недавно сформированного мотострелкового подразделения. В боях они еще не участвовали, стоят тут в качестве резерва.

Надо сказать, что стоят мотострелки хреново. Видно, что у их командиров нет никакого опыта, и пороха они еще не нюхали, зато уставу и порядку мирной армейской жизни следуют на все сто процентов. Палатки установлены ровными рядками, с минимальным расстоянием между собой. Окопы и укрытия на случай обстрела мелкие, недостаточной глубины, да еще и размещены в одном месте, то есть при обстреле батальон всем скопом помчится в эти окопчики, толкаясь и мешая друг другу.

Но мотострелки оказались парнями нормальными и дружелюбными. Тут же наладились товарно-бартерные отношения. Мы им всякую трофейную мелочовку – вражеские шевроны, ножи, подсумки, часы, компасы и так далее. В обмен получали новенькое нательное белье в упаковках, носки, сигареты, ну и всякую вредную, но такую желанную снедь, не входящую в армейские ИРП: лапшу быстрого приготовления, майонез, чипсы и сладкую газировку. Все это мотострелки получали от волонтеров в качестве гуманитарки.

Мой опыт показывал, что любая мелочовка, на которой присутствовал тризуб или надпись «ЗСУ», ценилась при обмене очень высоко, потому что тем самым сообщала, что является боевым трофеем. Особенно это действовало на таких вот новобранцев, как наши соседи, которые еще не успели вкусить всех прелестей передовой. А уж пистолеты с гравировкой «За мужшть і стшкть, виявлену в бою» разлетались как горячие пирожки в голодный день.

Всего таких пистолетов было семь штук. Мы их захватили в качестве трофея еще полгода назад: нашли в захваченном опорнике ящик, в котором лежали наградные пистолеты Макарова с гравировкой и две дюжины украинских орденов «За мужшть». Сперва подумали, что ящик заминирован. Дернули его веревкой с крюком – обошлось. Ордена трогать не стали, а вот пистолеты прибрали до лучших времен и при любой возможности выменивали на полезные в хозяйстве ништяки: коптеры, противодронные ружья, генераторы, а один раз даже смогли выменять на автомобиль. На данный момент в наличии остался всего один пистолет. Я соби-

рался этот пестик выменять на нужные для нашего батальона ништяки и для этого навел мосты с замом по тылу мотострелков.

Мотострелки бегали к нам и фотографировались с трофейным оружием, которое по сравнению с российским вооружением выглядело экзотикой: немецкие пулеметы MG-3, американские 12,7-миллиметровые крупнокалиберные пулеметы Браунинга М2, штурмовые винтовки FN FNC, TAR-21, G3, M4. Большая часть этого арсенала была нам нужна для тренировки с новичками, чтобы новобранцы, попавшие в 10-й ОДШБ, могли собрать и разобрать попавшие им в руки трофеи.

В бою всякое возможно, частенько бывает так, что приходится откладывать в сторонку верный АК-74М, потому что БК к нему на исходе, и работать с захваченным трофейным оружием.

Рыжик укатил куда-то вдаль, за горизонт, оставив меня командиром подразделения вместо себя. Перед отъездом комбат приказал мыться, бриться, приводить себя и оружие в порядок, косяки не пороть, вести себя тихо-смирно, и при этом не дай бог уронить честь нашего прославленного батальона перед соседями-мобиками. Я заверил комбата, что все будет в лучшем виде и он может спокойно идти обивать штабные пороги.

Как только Рыжик уехал, мы тут же заслали гонцов к соседям и пригласили их на импровизированный базар, где выставили на обмен лучшие наши трофеи.

За наградной пистолет и нож с тризубом и надписью «ЗСУ» на лезвии я запросил спектроанализатор и «бластер» – противодронное ружье. Покупатель, пузатый хомяк (зам по тылу мотострелков) с хитровой физиономией и бегающими вороватыми глазами, долго канючил и хотел все это выменять на водку и сухую копченую колбасу. Но я был непреклонен. На фига мне водка, если мне нужнее спектроанализатор и антидронное ружье? Водка на войне жизнь не спасет, а вот спектроанализатор, способный определить, с какой стороны подлетает вражеский беспилотник, и дронбойка, которая может вырубить этот дрон, вполне спасают жизни бойцам на передовой и в тылу.

– А почему здесь написано «ЗСУ»? – хмурясь, спрашивает зам по тылу. – Должно же быть «ВСУ».

– «ВСУ» – это по-русски, – спокойно отвечаю я. – А украинською мовою – «ЗСУ», то есть «Збройни сили України». Они же там борются с русским языком, так что правильно – «ЗСУ». Если кто-то будет впаривать что-то с логотипом «ВСУ», то это точно подделка, – пояснил я. – Так что, будешь брать или нет? А то у нас комбат поехал договариваться насчет транспорта; возможно, к вечеру мы уже свалим отсюда.

– Я бы взял, но ты же на водку менять не хочешь, а просто так списать новые анализатор и ружье я не могу, – сделав жалобное лицо, начал канючить тыловик.

– Ладно, научу, как Родину обманывать, – заговорщицки произнес я. – Я дам тебе свой убитый анализатор и противодронное ружье, их осколками посеку во время «дисотеки». Ты их сложишь в рюкзак, положишь в окопчик, а потом бросишь туда гранату. А всем скажешь, что это был сброс с вражеского дрона. В итоге спишешь их. Понял?

– А так можно?

В глазах тыловика зажегся такой неподдельный интерес, что мне стало стыдно, что я только что самолично подкинул в топку его воровской душонки хорошенькую вязанку дров.

– Можно, если осторожно, – буркнул я. – Ну так что, по рукам?

– По рукам, – широко улыбнулся хомяк.

– Зарядку и запасные аккумуляторы к ружью не забудь, – строго произнес я, удерживая потную ладошку зампотыла в тисках рукопожатия.

– Договорились, – болезненно морщась, произнес тыловик. – А себе чего не оставил такой знатный трофей?

– А зачем он мне?

- Ну как же? Это же пистолет, он всегда в бою пригодится, – искренне удивился тыловик.
– Мне пистолет в бою не нужен, – отмахнулся я, – у меня автомат есть.

Многие могут подумать, что пистолет поможет в каком-нибудь случае; например, когда закончились патроны к основному оружию или оно сломалось. Но реалии боевых действий на этой войне таковы, что и автомат-то не многие успевают применить, тут больше работают различная артиллерия и танки. В подразделениях, которые стоят в третьей и второй линии обороны, бойцы могут трехсотиться и двухсотиться, месяцами ни разу не выстрелив из своего автомата.

Опять же, укрупы, как и мы, одеты в броню; она бывает разная, но от пули из ПМ, АПС или даже «глока» убережет точно. Выцеливать по конечностям бесполезно, в бою тяжело быть хладнокровным, поэтому стреляешь в самую крупную мишень – торс. Это только в фильмах главный герой лихо расстреливает из пистолета бегущих на него автоматчиков. В жизни так не бывает. В жизни автомат кроет пистолет как бог черепаху!

Ну и вес, который нужно на себе тягать. Снаряженный пистолет Макарова вместе с кобурой и парой запасных магазинов весит около килограмма. Казалось бы, подумаешь, килограмм, вроде немного. Но, к примеру, снаряженный автоматный магазин на тридцать патронов калибра 5,45 весит около пятисот грамм. Лучше уж шестьдесят патронов для автомата в двух магазинах взять, чем пистолет. АК-74М стреляет дальше и убийнее, чем ПМ. А еще лучше взять три гранаты РГД-5 весом каждая по триста грамм.

Можно, конечно, привести аргумент о том, что с пистолетом удобнее зачищать здания, помещения. Вон, у спецназа, особенно полицейского, или там «Альф» всяких, всегда есть с собой пистолеты. Но это там, в гражданской жизни, пистолеты нужны, а у нас тут не полицейская операция, а боевые действия. Забудьте об игре в спецназ, которую показывают в художественных фильмах!

Штурмовая группа заходит в здание так. Если есть подозрение, что там опорник противника, по нему лупит арта; группа подходит, всаживает по нему из граников, а лучше в окно из «шмеля». Под прикрытием огня часть группы подходит и кидает в окна-двери гранаты, чтоб добить всех, кто пережил обстрел из артиллерии и гранатометов. Затем активно используют стрельбу под углом, чтобы были рикошеты, а уже потом можно и «угол понарезать». И так комната за комнатой.

БК уходит много, и вот тут понимаешь, что шестьдесят автоматных патронов лучше, чем пистолет с двумя магазинами по восемь патронов. Так проще, но эффективнее. А можно в каждую комнату предварительно кидать гранаты, и в этом случае у тебя будет ровно на три гранаты больше, чем у того, кто вместо них взял пистолет. У этого способа, кстати, плюс еще и в том, что при подрыве гранаты может сорвать оставленный сюрприз – растяжку.

Лично я не любитель разгадывать квест, что там можно трогать, а что нет. Проще подорвать. Это в кино саперы провода ищут, режут, снимают взрывное устройство. Я не сапер, хоть и обучен минно-взрывному делу. Я за простоту и безопасность: чтобы все, что положено, взорвалось само по себе и подальше от меня и моих боевых товарищей.

Пистолеты я видел у тыловиков – штабных офицеров, врачей в госпиталях, водителей. Ну, еще у пижонов разных, косящих под крутых вояк, но те, честно говоря, больше предпочитают АПС, да еще чтобы «стечкин» был в архаичной деревянной кобуре-прикладе.

После главного тыловика ко мне подошел мужик в возрасте, с пышными усами в форме подковы. Лицо покрыто морщинами, кожа загорелая – видно, что передо мной простой тру-дьяга.

– Здорово, епта, меня зовут Петр Михайлович Конюхов, епта, – представился мужик. – Разговор есть, епта, а точнее, деловое предложение.

На вид ему было за пятьдесят, ближе к шестидесяти. Роста среднего, форма на нем сидела хорошо, взгляд был прямой, в глазах читался богатый жизненный опыт.

– Валера, – представился я, протягивая руку для приветствия. – Слушаю.

Рука у Петра Михайловича, в отличие от тыловика, была сухой и жесткой, я как будто ухватился за старую, высушенную и выбеленную ветрами сучковатую ветку акации. Пальцы крючковатые, сильные, ногти все переломаны. Руки рабочего человека, никогда не знавшего, что такое маникюр и крем по уходу за кожей.

– Можешь для наших парней провести какое-нибудь занятие, вроде тренировки, епта, чтобы, так сказать, поделиться жизненным опытом, епта. А то из них никто в бою не был, и они не знают, что там да как, епта.

– А у вас боевой опыт есть?

Почему-то язык не поворачивается обращаться к собеседнику на «ты», хоть тыловику я запросто «тыкал», несмотря на звездочки на его погонах. Но чувствуется, что, в отличие от хомяка-тыловика, который больше похож на желеобразную медузу, сейчас передо мной мужик – соль земли русской. Работяга, который трудится много, впахивая с утра до вечера семь дней в неделю. Потому что есть дети, которых надо поднимать, есть ипотека, которую надо выплачивать.

На таких всегда держалась и будет держаться Россия. Пусть мужик необразован, зато он обладает практической сметкой и здравым смыслом. И уже поэтому может одержать верх в споре и с чиновником, и с «царем», и с чертом лысым. Мужик знает лишь то, что вокруг него: свою деревню и ближайший город, куда ездит на ярмарки. Остальное знакомо ему лишь понаслышке, и часто – в искаженном виде.

– Есть. В восемьдесят втором срочку в Афгане служил, – ответил усатый мужик. – Но там война другая была, епта, с нынешней даже не сравнится. У моджахедов из тяжелого вооружения только минометы были. А тут тебе и танки, и артиллерия, и ракеты, и авиация у врага есть. Так что, епта, проведете тренировку?

– Ну не знаю, – притворяясь усталым и замученным жизнью, протянул я. – Мы только вышли из боя, парни устали.

– Дык я ж не просто так, – хитро прищурившись, наклонился ко мне Конюхов. – У нас есть пиво в бутылках с этикетками от кваса, епта, рыба вяленая, хлеб домашний на закваске, который не сохнет, епта, и картошка. С нас поляна на всю вашу банду, епта, а с вас – опыт и знания.

– А просто кваса нет? – спросил я, понимая, что если Рыжик унюхает запах алкоголя, то всем пипец настанет, а мне, как старшему, так вдвойне.

– Просто кваса, епта? – удивленно округлил глаза собеседник.

– Да, просто кваса, просто рыбы, просто хлеба и просто картошки, – перечислил я. – Нас пятьдесят человек, и едим мы много, потому что от обычной пищи отвыкли.

– Не вопрос! – тут же воскликнул Конюхов. – Мешок картохи, епта, десять булок хлеба, епта, мешок рыбы и тридцать двухлитровых баклажек с квасом. А вы нам – занятия по прикладной полевой медицине и рассказ о том, что самое главное в бою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.